

Виктор Ааб

1986 год. Горячее кресло

Простым людям, сынам Отечества, бесследно растворившимся в пучине перестройки...

Совпадение имен, фамилий и названий местности носит случайный характер.

ЯНВАРЬ

Глава 1

Странный день. Как обычно в восемь часов я нахожусь на работе. Вот уже несколько месяцев я исполняю обязанности начальника Эксплуатационно-технического узла связи, по аббревиатуре — ЭТУС, — солидного предприятия, обслуживающего зонную (между областным центром и районными центрами) связь области, сельскую связь и радиофикацию пяти её районов, — вполне с ними справляюсь, и практически до сегодняшнего дня уверен, что буду утвержден в этой должности.

Мне 32 года, я уже десятый год после окончания института связи работаю в ЭТУС,

причем более восьми лет — в должности главного инженера. Все у меня, хорошо складывается, и вдруг, — этот непонятный и странный звонок. Звонок от Фенина Андрея Алексеевича — начальника Областного управления связи, — моего непосредственного шефа.

После короткого приветствия, как всегда — без обиняков и лаконично, он выдает: — Виктор Васильевич, — с завтрашнего дня в ЭТУС назначен новый начальник. Называет фамилию известного мне человека.

Это Грачев Степан Анатольевич — бывший наш сотрудник. Он долгое время работал освобожденным секретарем профсоюзной организации предприятия, затем, несколько лет проработал даже заместителем начальника ЭТУС и потом, снова вернулся на профсоюзную работу. В настоящее время занимает пост заместителя председателя в Областном профсоюзном комитете связистов. С хитринкой мужик, сам себе на уме. Несмотря на долгую совместную работу, мягко говоря, он не очень мне приятен. И вот на тебе, — он будет моим начальником! Интересно, а чем же это я не угодил своему руководству?

Новость ошеломительная. Так можно и быка с ног свалить. От неожиданности я почти теряю дар речи, голова отказывается соображать и меня хватает лишь на то чтобы малодушно, по-детски

пролепетать: — а как же Я?..

— Поработаете главным инженером — звучит в ответ, и Фенин ложит трубку.

Несколько дней я анализировал ситуацию — ведь должна же быть причина прямо выраженного мне недоверия, искал и не находил ответа. Хотя невольно в душе сомнение, что меня назначат начальником ЭТУС, иногда возникало. Исполнял обязанности начальника я уже более полугода и, несмотря на то, что был очень опытным главным инженером, — проработал в этой должности восемь лет, — срок моего утверждения почему-то неоправданно затягивался. На практике, в случаях, подобных этому, он длился, как правило, не более двух месяцев, по их истечении претендента обычно утверждали...

Неужели затягивание с утверждением в должности связано с моей национальностью? Отголоски войны все еще продолжали бить по нам — российским немцам, по инерции, скользящей долей подозрительности, недоверия. Но нет, дело не в этом. Эксплуатационно-технический узел — это чисто эксплуатационное предприятие. Предприятие с очень незначительной долей секретности, и в моем случае фактор национальности вряд ли может играть определяющую роль.

При назначении на должность первого

руководителя очень важную роль играет принадлежность претендента к КПСС. Но и здесь вроде бы все нормально. Я был достойным комсомольцем, недавно принят в кандидаты КПСС... А то, что несколько затянул с вступлением в Партию — здесь нет моей вины. Несмотря на исконную пролетарско-колхозную принадлежность, по окончании ВУЗа, я автоматически переместился в категорию ИТР, а для этой категории при приеме в Партию существуют квоты. Партия строго соблюдает пропорции по соотношению в своем составе рабочего класса, колхозников, и как принято говорить — трудовой интеллигенции. Несмотря на свои искренние марксистско-ленинские убеждения, я банально вынужден был дожидаться своей очереди на вступление в её ряды.

За почти уже десятилетний срок работы в ставшем мне за это время родным Эксплуатационно-техническом узле, четко уяснил: — руководить им достойно сможет лишь основательно подготовленный технически специалист, и по степени своей подготовки и практического опыта — среди окружающих людей, не видел себе конкурентов.

И вдруг — на тебе! Грачев Степан Анатольевич, — профсоюзный функционер! Я довольно хорошо знаю этого человека и понимаю

— не обладая специальными техническими знаниями, согласиться на должность начальника ЭТУС он может лишь при условии, что я останусь работать с ним в связке — главным инженером. А вот это удовольствие — я ему вряд ли доставлю! Уйду из принципа!

Принял решение. Принял и успокоился.

Несколько дней спустя, меня неофициально посетил Степан Анатольевич. Пришел, как говорится на разведку. Из общения с ним я понял, что твердого согласия стать начальником ЭТУС он еще не дал. Грачев не тот человек, который сломя голову, из чувства долга или по партийной бескорыстности поступит в ущерб себе, упустит свою выгоду. В его стиле, — просчитывать ситуацию. Работа в ЭТУС — даже руководителем, ну совсем не мед. Серьезная ответственность, очень большая нагрузка и никаких дополнительных возможностей по заработку, кроме штатного оклада и общеустановленных премий, правда — регулярных.

То, что я с ним работать не буду, — он понял сразу по моему выражению лица. Поговорили на общие темы. Не очень клеился разговор. Так и ушел он, не высказав своих истинных намерений.

Пауза по смене власти в ЭТУС затягивалась. Я продолжал работать. Настроение было отвратительное, дни пролетали, а новый начальник

все не появлялся. Первые дни все валялось из рук, но работа в ЭТУС такая, что сильно расслабиться — просто невозможно, особенно если выполняешь одновременно и обязанности начальника и главного инженера. За повседневными заботами обида постепенно отошла на второй план.

Прошло почти два месяца. До нового 1986 года оставалось менее недели. С Фениным мы общались очень редко. Вопросов лишних ему я больше не задавал, и вдруг, в канун Нового года раздается звонок, и он приглашает меня к себе в кабинет.

Тревожно забилося сердце, — вызов явно неспроста. Как бы позабывшаяся, проблема с назначением мне нового начальника, замаячила с полной силой. Только подумалось: — ну что за человек — этот Фенин!.. Осталось два дня до Нового года! Ну, неужели нельзя было расставить точки над «и» после праздника... Чисто по человечески! Мог бы в самый канун Нового года не портить настроение человеку!

Нет! Не удержался!.. Сейчас преподнесет в качестве новогоднего подарка — пакость...

Поддерживая репутацию непредсказуемого человека, Андрей Алексеевич, в свойственной ему манере, без предисловий, опять ошарашил меня совершенно неожиданным предложением:

— Я вам, Виктор Васильевич, предлагаю должность начальника Синегорской телеграфно-телефонной станции — заявил он. Думать будете или нет?..

Только и мелькнуло в голове — ну вот, хоть не придется подчиняться Грачеву! Даже почувствовал облегчение. Неожиданно решилась проблема с оскорбленным самолюбием.

— Не буду — ответил я, и дал свое согласие.

Глава 2

А подумать следовало. Синегорская телеграфно-телефонная станция (ТТС) в качестве самостоятельного предприятия образовалась от разделения единого в свое время Городского узла связи (ГУС), — на Почтамт, и собственно, Телеграфно-телефонную станцию. Произошло это в 1976 году.

Бессменный руководитель ГУС, руководитель с большим опытом и огромным авторитетом — Селин Степан Иванович, при разделении — возглавил Почтамт, и естественно, с ним на Почтамт перешли наиболее опытные работники городского узла. И что сказалось особенно больно, и серьезно ослабило Телеграфно-телефонную станцию — перешел на Почтамт начальник цеха городской телефонной сети (ГТС), ключевого цеха

вновь образованного предприятия — Фурсенко Николай Андреевич.

Начальником вновь образовавшейся ТТС назначили опытного инженера Областной лаборатории связи — Мартьянова Анатолия Васильевича.

Не по силам оказалась руководящая ноша для Мартьянова. Не обладая жестким решительным характером, практически не имея за плечами опыта административной работы, Анатолий Васильевич оказался один на один с кадровыми проблемами, допустил слабину, и новое предприятие залихорадило с первых же дней. Естественно Мартьянов, — человек по натуре очень порядочный, сильно переживал. Он оказался, слаб здоровьем и буквально через полгода с инфарктом слег в больницу, оправившись от которого, в качестве руководителя — на работу уже не вышел. Вернулся обратно в свою лабораторию, где в дальнейшем, так и котирировался как высококлассный специалист.

Телеграфно-телефонную станцию возглавил Мирославцев Виктор Анатольевич.

Судьба на некоторое время столкнула нас, — молодых специалистов по окончании ВУЗов связи. Я — Ташкентского института, он — Куйбышевского. Но в отличие от меня — присланного по распределению и совершенно

нового в Синегорске человека, — у Виктора Анатольевича отец был директором местного совхоза «Томский» Энбекского района. Он был хорошо знаком с начальником Областного производственно-технического управления связи (ОПТУС) Глушко Степаном Иосифовичем. Этот фактор сработал, и естественно, — Виктора Анатольевича сразу же назначили на вакантное место — главным инженером ЭТУС.

Я же, с такими же начальными данными, прибывший по распределению в ЭТУС на два месяца раньше Мирославцева, был назначен инженером группы техпомощи. При назначении произошел казус. Дело в том, что как раз перед моим приходом уволился действующий главный инженер. Причины не знаю, но уволился как раз в канун, когда занесло меня в ЭТУС — первого с высшим образованием, дипломированного специалиста на этом предприятии. А он за плечами имел только ПТУ...

Начальник ЭТУС Семенов Алексей Николаевич, принял меня более чем приветливо. И тут же предложил без обиняков вступить в освободившуюся должность. Я растерялся от неожиданности. Только что окончил институт, прибыл по распределению на предприятие и сразу — главный инженер! Очень заманчиво... Хватило ума попросить времени — денёк подумать.

Посоветоваться можно было только с тестем, работающим инженером-электриком. Тесть долго-долго пристально вглядывался в меня, мялся, видно боясь обидеть, потом все-таки изрек: — ну, не знаю, Виктор, тебе решать. А вообще, — как ты людьми командовать будешь, обладая только теоретическими знаниями, сам подумай...

Действительно, связистский опыт у меня был лишь стройотрядовский — довелось телефонизировать совхоз в Алтайском крае, — полностью, с нуля построить там внутрипроизводственную телефонную сеть. По опорам научился лазать, как заправский монтер, арматурой их оснащал, провода подвешивал, регулировал и завязывал. Основательно на практике вбил в себя, что такое воздушные линии связи, и с чем их едят. И хотя воздушных линий связи — тоже, навалом в ЭТУС, но знать только их, — маловато для главного инженера. Я решил отказаться.

Утром, подготовил нужные аргументы и слова, волнуясь, вошел в кабинет к Семенову и открыл, было, рот, но он меня опередил.

— Я вчера немного поторопился, Виктор Васильевич, (с первого знакомства и всегда в последующем, он меня — тогда двадцатитрехлетнего юнца, только по имени-отчеству и называл). Я разговаривал о вашем

назначении с начальником Областного управления связи Глушко Степаном Иосифовичем. Он не поддержал мое предложение, сказал, что уже имеется кандидат на должность главного инженера — и не сегодня-завтра он тоже появится у нас и приступит к работе.

Чувствовалось, Алексею Николаевичу несколько неловко, но он решительно развязывал ситуацию так, как сложилось. Мне тоже было очень неловко, хотя я твердо намеревался отказаться. И все-таки стояло перед глазами — вот, согласился бы я, и мне — такой отлуп... Стыдоба-то, какая могла получиться... Лицо у меня горело.

Я поторопился разрядить обстановку озвучив свое решение, что лучше мне все-таки пока поработать рядовым инженером, поднабраться опыта, а должности... — должности от меня не убегут...

Два месяца после того казуса успел проработать старшим инженером группы технической помощи, и вот он прибыл, новый главный инженер, — Мирославцев Виктор Анатольевич.

Не сложилось работа у Мирославцева с начальником ЭТУС — Семеновым Алексеем Николаевичем.

Семенов сразу отметил, что Мирославцев тоже прибыл без практических навыков работы, что

само по себе, наверное, не было большой бедой. Но Семенов быстро уловил главное — при наличии непочатого края работ и массы возможностей применить свои знания и силы — обнаружилось отсутствие у Виктора Анатольевича желания эти навыки получать и совершенствовать. Мирославцев продемонстрировал кабинетный стиль работы, что было совершенно неприемлемым в условиях ЭТУС, и по существу, — помощником для Семенова, очень беспокойного и ответственного руководителя он не стал. Да и я, общаясь с ним, видел, что сфера действия ЭТУС как-то не привлекала Виктора Анатольевича, (ведь, сплошные командировки, пропадание в сельских районах в пределах всей области) и при подвернувшемся случае с подачи своего покровителя — Глушко он, спустя полтора года перевелся на более высокую должность. На Телеграфно-телефонную станцию — начальником.

Я же за это время, год, отработав в группе технической помощи, не разочаровал Семенова. Через год он перевел меня на должность заместителя начальника по хозяйственным вопросам. Но с условием, что по-прежнему буду заниматься и техническими делами. А потом, с уходом Мирославцева — уже с уверенной осознанностью — с подачи Алексея Николаевича, согласился я пойти в главные инженеры...

Принимая участие в качестве приглашенного,

на открытых партийных собраниях, на совещаниях, проводившихся Управлением связи, я был осведомлен о состоянии связи в целом по области. В адрес связистов Областного центра нарастала критика все более и более раздраженная. Невозможно было не заметить, что дела на ТТС, возглавляемой Мирославцевым, стабильно и фатально ухудшались.

Нельзя сказать, что при Викторе Анатольевиче ничего не делалось. Именно во время его руководства Телеграфно-телефонной станцией в городе началось, наконец, серьёзное развитие связи. В 1978 году, была введена координатная подстанция ПСК на 1000 номеров в западной части города. По завершению строительства телефонной сети заполнялась емкость введенной в 1976 году декадно-шаговой АТС-7, — в Юбилейном микрорайоне. Однако качество работы телефонной связи в городе становилось все хуже и хуже. Вместе с приростом новых мощностей как снежный ком увеличивалось количество неработающих в городе телефонов.

Мирославцев продержался в должности начальника ТТС чуть более трех лет и по настоянию Обкома и Горкома партии был снят с работы, уволился из органов связи и перешел трудиться к энергетикам.

Коллектив возглавил опытный, — очень

долгие годы работающий вместе с Селиным С.И. в Городском узле связи и ныне действующий главный инженер — Чернявский Константин Егорович. Но и он продержался недолго, — положения выправить не сумел, и тоже был снят с должности начальника и переведен обратно в главные инженеры. Именно на него, как на главного инженера еще со времен ГУС, пытались повесить основную ответственность за развал работы городской телефонной сети. Хотя надо признать, что в то время, когда он работал в тандеме с Селиным — сеть в городе работала неплохо.

Очередным начальником ТТС был назначен Ковалев Петр Романович. До назначения он возглавлял телеграфный цех. Дельный руководитель, парторг предприятия по совместительству, человек, бывший на хорошем счету у руководства связи Области.

Петр Романович проработал в должности более четырех лет. Чернявский К.Е. с ним сработаться не сумел и по собственной инициативе уволился — совсем ушел из связи в строительную организацию.

В период руководства Ковалева городской связью она продолжала развиваться. Была построена и введена в эксплуатацию координатная АТС-4 емкостью 2000 номеров в центре города.

Благодаря пришедшему на место Чернявского молодому цепкому главному инженеру Макарычеву Александру Николаевичу начала строиться и развиваться бывшая в зачаточном состоянии телефонная канализация города, стало больше устанавливаться телефонов у горожан.

Однако главная проблема ТТС — проблема качества работы сети так и не была решена. Наоборот, она по-прежнему усугублялась. Уже не было и Чернявского, в адрес, которого, по инерции метались все шишки, но это не помогало. В вопросах улучшения связи в городе по-прежнему царил безысходность. И снова лопнуло терпение у властей. Пришло время, и Петра Романовича тоже постигла участь Мирославцева и Чернявского.

Вот на такое предприятие буквально втиснул меня Андрей Алексеевич. Уже позже осмысливая происшедшее, я узнал, что предлагалась эта работа и Грачеву А.И. и Макарычеву А.Н., однако они эту ношу взвалить на себя не решились. Как оказалось впоследствии — Грачев не решился взвалить на себя и ношу ЭТУС.

Ну а мне вроде бы и деваться было некуда. В ЭТУС для меня место как бы было «заказано». До сих пор не знаю — то ли это был точный расчет Фенина, то ли просто стечение обстоятельств — но дело Андрей Алексеевич обыграл четко. Вот тут и

дошло до меня брошенное» им несколько месяцев назад замечание: — пока поработаете главным инженером...

Решение о переброске меня на ТТС Фениным было принято уже тогда. Но сказать мне об этом сразу он не решился, — я еще должен был пройти проверку на лояльность в соответствующих органах. И вот теперь, похоже, пришел положительный результат.

И все-таки как-то нехорошо по отношению ко мне все решалось. Скольких нервов стоила эта непонятная неопределенность. Ну, сказал бы честно о намерениях, и даже если бы что-то не получилось — я бы понял. Но не таков был Андрей Алексеевич. Внутренние переживания подчиненных его не особенно волновали.

— Кому сдадите дела — спросил Фенин.

— Как кому? — Грачеву...

— Нет, Грачев что-то никак не решится.

Сдайте пока дела Жамбутинову Байдену Байгошевичу — начальнику Рыбинского цеха. Сами, сразу после Нового года приступите к работе на новом месте.

Вот так скоропалительно я распрощался с Эксплуатационно-техническим узлом связи. С предприятием, где провел десять очень динамичных, насыщенных интереснейшей работой лет. Предприятием, на котором рассчитывал еще

долго работать, — но не судьба.

Зашел напоследок к моему наставнику, моему опекуну, человеку на которого старался стать похожим, — личным примером показывавшему отношение к работе, к людям, у которого я научился очень многим полезным и ценным вещам — к Семенову Алексею Николаевичу. Рассказал о свалившейся на меня ноше.

Алексей Николаевич сочувствовать не стал. Одобрил решение и сказал: — Виктор Васильевич, — конечно из вас получился бы прекрасный мой преемник. Но по большому счету — в рамках ЭТУС, — вам было бы тесновато. А Телеграфно-телефонная станция — корабль большой, очень большой, — но Вы с ним обязательно справитесь.

Глава 3

Новый год прошел как в тумане и вот 3 января 1986 года в сопровождении главного инженера областного ПТУС Искандерова Амантая Искандеровича я впервые появился в кабинете начальника ТТС.

Петр Романович, ожидавший нас, освободил место, пригласил в кабинет руководителей подразделений. В их присутствии Амантай Искандерович зачитал приказ о моем назначении, в

коротком выступлении выразил надежду, что дела на ТТС стабилизируются, предложил мне переместиться в кресло начальника и начать командовать.

Я — сел. Кресло было удобным, мягким. С подлокотниками, с высокой красного цвета бросающейся в глаза спинкой, обшитой то ли дерматином, то ли кожзаменителем. Ковалев проследил за мной и произнес криво усмехнувшись.

— Горячее кресло, горячее...

Я не придал его словам значения.

Особо нечего было говорить. Меня окружали практически незнакомые люди. Нет, в лицо я их знал, кое-что слышал о них, вежливо здоровался с ними при встрече, но, ни по каким вопросам ранее с ними не соприкасался. Незначительное исключение составлял главный инженер — Макарычев, с которым я немножко сталкивался по вопросам эксплуатации междугородных сетей. Командовать было рано.

Выразил надежду, что совместными усилиями положение на предприятии будет поправлено, попросил задержаться Ковалева, и распустил приглашенных на первое знакомство людей. Так начался самый сложный этап в моей жизни.

После ухода Искандерова я остался наедине с Петром Романовичем, и он кратко, не вдаваясь в подробности, ввел меня в курс дел. Обозначил

наиболее сложные проблемы, сообщил, что уже решен вопрос о его возвращении на должность начальника телеграфного цеха и пообещал мне поддержку. Однако по выражению его унылого лица я понял, что это только дань вежливости, а вообще-то он мне сочувствует, и уверен, что ничего хорошего в будущем на этом месте меня не ждет. По уходу Ковалева я остался один и огляделся.

Кабинет был оформлен очень просто, но был светлым и удобным. Единственную «роскошь» составлял стоявший в углу цветной телевизор — «Горизонт». Настойчиво звонил телефон, но я не решился поднимать трубку, переключил его на секретаршу и попросил пока меня, ни кем не соединять.

По прямой связи позвонил Андрей Алексеевич и сообщил, что ему необходимо представить меня высоким областным и городским руководителям. Я в принципе был готов, и мы начали обход.

Начали с Областного комитета партии. Я впервые был в подобном учреждении и неприятно удивился изменившемуся вдруг поведению Фенина. Он как-то сжался, подобрался, его лицо приняло выражение сосредоточенной покорности. Зная мой независимый характер, он заранее предупредил и меня — быть максимально сдержанным.

Мы ходили по приемным, и я был

представлен по очереди Заместителю первого секретаря обкома партии курирующего промышленность и связь, председателю Облисполкома и почему-то, — председателю Областной партийной комиссии. На меня поглядывали с интересом, вежливо жали руку и практически все, обращаясь к Андрею Алексеевичу, тут же выдвигали требования по срочному восстановлению работы такого-то номера телефона, либо по срочной установке телефона тому, или иному лицу. Фенин покорно и как-то обреченно обещал... Процедура знакомства с учетом ожиданий в приемных заняла почти полдня.

После обеда в таком же ритме мы посетили Городской комитет партии и Горисполком. Я так же был представлен Первому секретарю горкома, Председателю горисполкома, а также Председателю городской партийной комиссии и Председателю городского комитета народного контроля. Претензии на работу связи сыпались и здесь.

На мои сомнения в необходимости столь оперативного знакомства с чиновниками — Андрей Алексеевич заявил, что это — всё, мое теперь, непосредственное начальство и с ним мне предстоит плотно работать буквально с первого дня.

Это явилось полной неожиданностью. На

месте прежней работы моими непосредственными начальниками были по большей части не более двух человек. А здесь с учетом аппарата Управления связи, с учетом руководителей отделов курирующих связь в Горкоме и Горисполкоме, их набиралась «целая дюжина».

Посмотрим, что будет дальше — подумал я. День практически ушел на знакомства. На завтра оставалось посещение Комитета государственной безопасности...

Вечером, перебирая события дня, отметил для себя, что никто из моих новых знакомых не упоминал при встрече о работе междугородной, телеграфной связи, о работе радиоузла и коммутатора — все говорили о плохой работе городских телефонов.

Наиболее слабое место в работе Телеграфно-телефонной станции обозначилось с первого дня четко, зримо и определенно.

— Ничего, — по этой части у меня наработан неплохой опыт — успокоил себя. Завтра начну разговаривать со специалистами — вникну в проблемы, — что-нибудь придумаем.

Глава 4

Наступило завтра. Я живу во вновь построенном микрорайоне, удаленном от нового

места работы на расстоянии около пяти километров. Встаю рано — и предпочитаю на работу ходить пешком. Как правило, без четверти восемь — уже нахожусь в кабинете.

Ходьба в хорошем темпе бодрит и настраивает на энергичную работу. В ходе прогулки неплохо обдумываются планы на предстоящий день. Пока в связи со сменой работы были лишь ощущения особой новизны внутреннего состояния. Особых планов не было.

У входа в кабинет меня ждал Висящев Александр Дмитриевич — начальник цеха городской телефонной сети (ГТС). Объективные характеристики ключевых работников Телеграфно-телефонной станции я имел от своей жены, работающей на этом предприятии с 1974 года после окончания института, в цехе междугородной телефонной связи. Очень активный, болеющий за дело человек — она хорошо знакома с работниками среднего звена управления, мы имеем единые взгляды на жизнь, и я безоговорочно доверяю её оценкам.

Правда уже более двух лет она находится в декретном отпуске. У нас, наконец, после десятилетнего ожидания появилась дочь — Оленька, и по счастливому стечению обстоятельств, — скоро должен будет появиться и второй ребенок. Конечно — Ромалия, Рома, моя

Ромашка, — немного отстала от производственной жизни, но людей, с которыми мне теперь придется работать, знает достаточно хорошо. Она охарактеризовала Александра Дмитриевича как в высшей степени ответственного порядочного человека, очень разумного и исполнительного. Но вот почему дела у него не клеились — конечно, пояснить не могла.

Дал характеристику Висящеву и Ковалев. В его представлении Висящев был вялым слабохарактерным человеком, — попросту, — размазней... Какие противоположные характеристики, — я был заинтригован...

— Ну вот, очень кстати и вы, — поприветствовал я Висящева и пригласил его в кабинет. Присели...

Первое что сделал Александр Дмитриевич, — протянул мне лист бумаги. Это было заявление об уходе.

Я опешил. Вот это удар! Просто не находил слов. Помолчали...

— Александр Дмитриевич, — наконец, обретя дар речи, тщательно подбирая слова, начал я говорить, — почему такое решение? Ведь мы с вами не проработали еще и дня. Я не пришел с целью сделать хуже людям, в том числе и вам. У меня нет команды, у меня нет людей, которых я мог бы привести с собой, — мне просто неоткуда их

взять... ЭТУС, откуда меня сюда направили, тоже испытывает резкий недостаток квалифицированных специалистов, я просто не могу их перетягивать на ТТС. Не в моих правилах делать плохо предприятию, которому я отдал 10 лет. Честно признаюсь, я рассчитываю только на вас, — специалистов работающих на ТТС, — ныне работающих.

Лицо Висящева было непроницаемым. Чувствовалось, что он мне просто элементарно не доверяет. Он, конечно, знал, что обо мне как о специалисте сложилась очень неплохая репутация в среде связистов, но в отличие от меня четко понимал разницу между работой в ЭТУС и на ТТС, и в отличие от меня понимал, что методы работы, дающие хорошие результаты там, — совершенно неприемлемы на ТТС. Все же по мере того как я продолжал говорить, наверное, чем-то его все-таки тронул. Лицо его угрюмое и замкнутое, начало светлеть, в глазах появился насмешливый блеск. Он явно принимал меня за наивного чудака, — и вдруг его прорвало.

— Виктор Васильевич — начал он, — вы просто совершенно не представляете, — куда попали... Говорил внешне спокойно, старался сдерживаться, но чувствовалось, что его переполняют эмоции. Его внутреннее состояние выдавал голос, слегка дрожащий.

Я, молча, слушал. Постепенно Александр Дмитриевич успокаивался, его речь упорядочилась, и из его рассказа передо мной открывалась довольно неожиданная картина положения дел в цехе.

После выделения ТТС в самостоятельное предприятие и ухода начальника цеха Фурсенко Н.А. на Почтамт, его место стали занимать случайные люди, которые также как и начальники предприятия, долго не задерживались. Последним до Висящего начальником был некто Обухов, перешедший к Ковалеву на ТТС после крупного скандала связанного с какими-то махинациями в ТУСМ-3, региональном располагавшемся в Синегорске предприятии, по обслуживанию первичной сети связи, откуда его уволиться, мягко говоря — попросили.

Более радеющий о своих интересах Обухов привнес значительную долю анархии, хаоса и беспорядочности в организацию труда линейно-кабельной службы Областного центра. Обладавший незаурядным характером, радеющий только о себе, — он сумел проводить на ГТС выгодную для себя линию. Внешне демонстрировал бурную даже кипучую деятельность, внутренне совершенно не был заинтересован в качестве выполняемой его подчиненными работе. Именно из

низкого качества работы сети он учил своих подчиненных извлекать выгоду для себя и для них.

Поздно разгадал Петр Романович политику Обухова, а разгадав, все равно сладить с Обуховым не смог. Когда обстановка в городе со связью в очередной раз существенно накалилась и кресло под Ковалевым зашаталось, — он попытался решительно взять в руки ситуацию. Но было поздно. Разразился скандал.

А в это время завершалось строительство на территории Синегорской области крупного нефтепровода Петропавловск — Синегорск — Целиноград. С целью обеспечения его бесперебойной телефонной связью в нужных объемах, вдоль нитки был проложен магистральный четырехчетверочный кабель уплотненный достаточно мощным сложным оборудованием. Для его обслуживания и содержания образовывалась специальная служба связи при нефтепроводе. Был объявлен набор специалистов, которым была обещана более высокая зарплата, чем у связистов города.

Обухов очень оперативно воспользовался ситуацией и перешел на работу к нефтяникам — начальником вновь образовавшейся службы связи.

Будучи человеком циничным и беспринципным — он быстро перетянул к себе на работу всех наиболее квалифицированных

кабельщиков цеха ГТС.

На Телеграфно-телефонной станции образовался вакуум наиболее востребованных специалистов. Обстановка катастрофически накалилась.

Ковалев предпринимал лихорадочные меры по исправлению ситуации — срочно искал нового начальника в стремительно разваливавшийся цех. Желающих — не было.

На чрезвычайном партийном собрании коммуниста Висящева и обязали, хотя бы временно, возглавить цех. В силу своей порядочности Александр Дмитриевич не смог отказаться. И добросовестно пытался что-то сделать для исправления ситуации. Однако слишком велика была инерция развала, и ситуация катилась по наклонной.

По сути дела городу реально грозил паралич связи. После сырой и дождливой осени 1985 года резко возросло количество поврежденных линий в Областном центре. Областное и городское начальство требовало от Ковалева оперативного устранения повреждений на наиболее важных для обеспечения нормальной управляемости городом, по их мнению, телефонных номерах.

Петр Романович не нашел иного способа как полностью пойти на поводу у властей. Старался любыми путями выполнить их поручения очень

часто в противоречии с интересами предприятия, за которое он нес ответственность, и даже вопреки здравому смыслу.

Лично, после очередного вызова в Горком, Горисполком, спускался в цех ГТС, ломал все намеченные планы руководства цеха и направлял оставшихся в цехе людей на исполнение только что полученного нового задания. Любой ценой! По принципу, — лишь бы сегодня телефон, который потребовали власти срочно восстановить — заработал.

Ни о какой профессиональной, планомерной работе в таких условиях не могло быть и речи. Собственно случилось так, что начальник цеха ГТС, — не важно, что он недавно пришел на работу, — у импульсивного начальника сразу же стал исполнять роль мальчика для битья. Тем более, что попытался проводимой политике Ковалева — возражать.

Кто долго может мириться с ролью мальчика для битья? Безработных в стране нет. Выхода из сложившегося положения Александр Дмитриевич тоже не видел, а с учетом того, что был болен, — страдал пороком сердца, он и принял решение — уйти.

Пар был выпущен. Я расспросил его о людях, оставшихся в цехе, об их профессиональной подготовке, и как бы, между прочим,

поинтересовался: — а что, Александр Дмитриевич, — если бы вам была предоставлена возможность, самостоятельно решать только технические вопросы эксплуатации линейно-кабельного хозяйства? Если бы вы были ограждены от мешающих выполнению прямой вашей работы звонков, со стороны властей — смогли бы, хоть немного, оздоровить обстановку?

Висящев не задумываясь, ответил, что это было бы возможно.

— Только это абсолютно нереально, — с горечью тут же продолжил он.

— А если я все-таки создам вам такие условия?

— Он просто рассмеялся в ответ...

В конечном итоге я сумел его все-таки уговорить — остаться на месяц со мной поработать, и твердо пообещал, что если не сдержу слово, — его отпустить. На том пока и порешили.

После ухода Висящева я просмотрел сводку о количестве телефонов неработающих на сети из-за кабельных повреждений. Их было **565**. От общего количества имеющихся 11995 телефонов в городе — неработающие составляли 4,7 %. Конечно это нельзя было назвать еще параличом связи — но по существу, такое количество повреждений было просто недопустимым.

Начал звонить телефон. Все звонившие просили, скорее устранить повреждения на их телефонных линиях. Просили — это мягко сказано, чаще — требовали. И все это выражалось в длинных монологах, основную суть которых составляли причины обосновывающие необходимость срочного восстановления работы именно их телефона, и, конечно же, угрозы в случае непринятия мер жаловаться в органы власти.

Я попытался отсылать их на бюро ремонта — нет, они хотели иметь дело только с начальником! Сосредоточиться практически не было возможности. Записывать их заявки не имело смысла, — я чувствовал, что все равно их выполнить не смогу.

Следующим, — поговорить, явился Макарычев Александр Николаевич — главный инженер. Впервые я познакомился с ним в далеком 1974 году. Он был в то время начальником цеха МТС — междугородной телефонной станции. Я проходил в его цехе практику по окончании четвертого курса института. Затем, работая в ЭТУС, иногда сталкивался с ним при решении вопросов приемки в эксплуатацию нового оборудования междугородных линий.

И вот теперь он — главный инженер, и идет мне в подчинение. У меня имелось впечатление о

нем как о хитроватом, себе на уме человеке. Он лет на пять старше меня, довольно амбициозен. Его старший брат работает начальником отдела электросвязи в Управлении. Макарычев, безусловно, технически грамотный специалист — специалист по станционному оборудованию. Но вот умеет ли он работать на сети...

С места в карьер Александр Николаевич, второй после Висящева, тоже попытался завести разговор о своем уходе с должности. Это было уже слишком! Я не стал развивать эту тему, очень решительно высказав, что не желаю и слушать об этом.

Похоже, это была просто проверка меня на прочность, Макарычев, безусловно, не мог не знать о заявлении Висящева. Чувствовалось, что он тоже «накушался» руководящей работы. Но вероятно ему, — амбициозному человеку, просто стыдно и неудобно расписаться передо мной, бывшим его практикантом, в своем собственном бессилии. Тем более, что весомых аргументов в пользу своего ухода он привести не мог.

Поговорили о методах управления предприятием. На Телеграфно-телефонной станции есть много места для приложения сил, и Александр Николаевич высказал пожелание, чтобы я как выходец из ЭТУС и имевший большой опыт работы с линиями связи, начал курировать цех ГТС —

полностью освободив его от этого участка работы. Он же в свою очередь, будет курировать другие — высокотехнологичные по степени оснащения современной электронной техникой, стоявшие на более высоком уровне, чем ГТС — цеха. Я не доставил ему этого удовольствия, и еще немного поломавшись для видимости, Александр Николаевич, наконец, приступил к действительно деловому разговору:

— Завершился 1985 год. Буквально в ближайшее время нам нужно провести общее собрание коллектива по итогам года — начал он.

— Вот и займитесь этим — тут же дал первое задание я Макарычеву, — мне требуется время, чтобы войти в курс дела. Год завершали Вы — Вам и выступать! Готовьте доклад.

Конечно, это было непривычно для Александра Николаевича, — по всем канонам, — новый начальник должен сразу брать «быка за рога». Изложение новым начальником, своей программы на общем собрании, — тем более годовом, органично бы вписывалось в сценарий заступления в должность. Можно было обрушиться с жесточайшей критикой в адрес бывшего руководства, и через ЭТО — «продемонстрировать характер».

В моих мыслях не было — это делать. Я просто решил, как бы со стороны понаблюдать за

сложившейся атмосферой взаимоотношений в коллективе, — не раскрывая своих карт. Да их у меня просто и не было. Требовалось по мере возможности прочувствовать производственную атмосферу. Высказывать новые революционные идеи я пока не был готов.

На собрании должен быть присутствовать Фенин. Позвонив ему, я сообщил о принятом решении. Против выступления с главным докладом Макарычева — он не возражал.

Глава 5

Вошла секретарь приемной с документами «на подпись». Она сообщила, что на десять часов меня приглашают в Горком, а на два часа дня в Горисполком — на совещания. Посмотрев на часы — увидел, что уже надо бежать. Благо, что ТТС находится прямо в центре города, на Центральной площади и для ходьбы практически до всех учреждений власти требуется не более трех — пяти минут.

Совещания в Горкоме не было. В приемной находился один из руководителей теплоснабжающей организации города и все. Сообщив о нашем прибытии, секретарша пригласила нас в кабинет первого секретаря Горкома партии Дымченко Александра Сергеевича.

Первый секретарь встал из-за рабочего стола, и, выйдя нам на встречу, поздоровался за руку. Его пожатие было крепким и энергичным. Это был человек моего возраста из новой волны руководителей, которых все интенсивнее выдвигает начинавшаяся Перестройка.

Худощавый, приятное лицо, сильный волевой подбородок, приподнято бодрый басисто гортанный голос. Сурово нахмуренный взгляд под густыми бровями, и какая-то остро чувствовавшая властность буквально сквозила из этого человека. Походка его была медленная, движения даже вальяжные, и в то же время чувствовалось, что это очень решительный человек. Я уже успел узнать, что за глаза его называют «Павка Корчагин».

Я до настоящего времени практически не бывал во властных партийных кабинетах. Атмосфера, царившая в них, была для меня нова. Необычная и неожиданная. Я чувствовал некоторую робость и скованность. Александр Сергеевич представил меня вошедшему вместе со мной руководителю, предложил присесть, — и тут же перешел к делу.

Мне было дано задание — одному из специалистов-тепловиков срочно поставить телефон на квартире. Составивший мне компанию руководитель назвал фамилию и адрес проживания этого человека. Начальник

промышленно-транспортного отдела городского комитета, присутствовавший при разговоре, тут же зафиксировал задание в своем ежедневнике.

— Когда исполните — спросил Дымченко.

В моей натуре нет манеры, говорить наобум, — по сложившейся практике я очень тяжело даю обещания, а если и даю — то продуманные и проработанные. И практически всегда их выполняю. Это — школа Семенова А.Н.

В голове мгновенно прокрутились вопросы, от ответа на которые зависело принятие решения: — наличие заявления на установку телефона..., очередность в доме..., наличие, наконец, технической возможности... Ни на один из них ответа не высветилось.

— Срок указать не могу. Надо изучить ситуацию — ответил я.

— Завтра вечером доложите об исполнении, — отрезал секретарь. И продолжил.

— В городе связь не работает, а вы с Фениным мер никаких не принимаете... сколько это будет еще продолжаться...

Чувствовалась наезженная колея в его монологе. Во мне начало расти чувство протеста, но я смолчал.

Вернувшись на ТТС, у Висящева уточнил возможности по исполнению задания. Естественно никаких шансов на установку телефона по

указанному адресу не было.

Из информации Висящева следовало, что установка телефона по заданному секретарем адресу, требует серьезной проработки, значительной затраты материалов. Ведь дом сейчас просто не телефонизирован, не подтянуты к нему телефонные кабели и его телефонизация не представляется возможной без трудоемких инженерных работ.

— Но вообще-то мы выполним ваше задание, если вы прикажете, — уныло и с ехидцей в голосе добавил он.

— Это как? — растерялся я.

— А неподалеку на расстоянии около 150-ти метров имеется дом телефонизированный. Правда там нет свободных линий, но мы можем у одного из абонентов телефон выключить, перебросить его номер на повреждение, — а освободившуюся линию продлить «воздушкой» с крыши на крышу проблемного дома, и использовать её для новой установки.

— И как долго мы будем устранять искусственно сделанное повреждение?

— В лучшем случае, сможем устранить не ранее чем через полгода.

— И как часто вы устанавливаете, таким образом, телефоны?

— В последнее время все чаще и чаще —

сознался Александр Дмитриевич.

— Ну, нет, — больше мы так ставить телефоны не будем! — решительно произнес я.

— Виктор Васильевич — не связывайтесь, вас все равно заставят... — пожалел меня Висящев.

Он, конечно, был мудрее меня, был старше меня — лет на семь, — а это многое значит. Я почему-то с первого разговора почувствовал симпатию к этому человеку и склонен прислушиваться к его советам. Но в данной ситуации «совет» Висящева был неприемлем.

— Нет Александр Дмитриевич — установка телефона пока потерпит — еще раз подтвердил я свое решение и окончил разговор.

Наспех пообедав в ближайшей столовой — к двум часам побежал в Горисполком.

В приемной Председателя собирались люди. Их было около 10-ти человек. Это были руководители, имеющие отношение к отоплению и водоснабжению города.

Совещание началось. Председатель горисполкома, в ходе его, заслушивал информацию от приглашенных о состоянии дел в городе с отоплением; по мере выступлений руководителей — заострял внимание на проблемных вопросах, и по ходу заседания давал распоряжения по их решению.

Я сразу отметил, что почти каждый третий из отчитывающихся, в качестве первой причины неисполнения того или иного задания, выдвигает отсутствие телефонной связи. Нет, мол, её либо на квартире у **ОЧЕНЬ** нужного ему работника, либо в определенной точке обслуживаемого объекта. А как без связи...

Было очень неприятно это выслушивать. На меня тут же сыпался поток поручений. И опять, — сроки исполнения, фиксирующиеся в протоколе. Завтра..., немедленно..., завтра....

Я же из утренней встречи у Дымченко, а также из разговора с Висящевым уже точно знал, что эти требования, эти задания — тоже из категории неисполнимых. По крайней мере — в ближайшее время. От осознания этого настроение испортилось основательно.

Совещание растянулось до 5-ти часов вечера. Удрученный, я возвращался в кабинет.

Начало января — самые короткие дни. Смеркается рано. Подумалось, — если бы было лето, — можно было бы организовать работу линейной службы после работы, — дотемна. Зимой же, да еще в это время, темнота наступает уже в рабочее время, а в темноте много не поработаешь.

На шесть часов пригласил к себе Макарычева и Висящева. Предложил с целью координации действий по исправлению положения — ежедневно,

по окончании работы, в половине седьмого, собираться в моем кабинете всем руководителям подразделений и служб, от которых зависит ход дел.

После обсуждения понял, что эффективнее будет, — если мы будем собираться только втроем. Александр Николаевич опять попытался выразить сомнения в необходимости своего присутствия на этих сборах. Настырный...

Максимально в деликатной форме, стараясь, ни в коем случае не дать ему повода для обиды, за которым мог бы немедленно последовать демарш на уход с работы по собственному желанию, но все-таки достаточно твердо, я настоял на своем и убедил его оставить эту тему. Дал ему понять, что его советы и поддержка для меня очень важны. И уже обращаясь к обоим, попросил их обдумать предложения, принятие и выполнение которых сможет улучшить обстановку на сети. С этим и разошлись.

Глава 6

Следующий день принес очередные неприятности. Я был вызван в Областной комитет народного контроля. Почему-то напрямую, — хотя фактически ТТС не являлась областной организацией, где меня в жесткой форме отчитали

за то, что до настоящего времени не выполнено обещание на установку телефона одному из жителей города, заслуженному ветерану, написавшему по этому поводу жалобу в их ведомство.

Я предварительно уже знал суть вопроса и опять видел, что данное моим предшественником обещание невыполнимо, и довольно-таки прямолинейно заявил об отказе производить эту установку, — как не подкрепленную техническими ресурсами.

Получил сполна! Мне в бесцеремонной и грубой форме указали, что я не справляюсь со своими обязанностями. Я наивно попытался объяснить, что еще только вхожу в курс дела, и что не успел еще внести свой вклад в плохую работу ТТС. И тут же получил второй — циничный, грубый и жестокий удар:

— Вы являетесь начальником ТТС! И Вы, — со дня вступления в должность, несете полную ответственность за то, что на ней или произошло, или происходит! И совсем не важно, что «что-то» там случилась до вас! Именно с Вас, — теперь, будет учиняться жесточайший спрос по всем вопросам, касающимся работы связи в городе!

В душе я понимал, что председатель Комитета, по сути, — прав. Но то, с какой жесткостью это было преподнесено, вызвало во мне

глубокий внутренний протест. И я упорно подтвердил, что выполнять обещание, данное не мной — не буду!!..

— Чтобы сегодня же принесли письменное объяснение по сути отказа, — раздраженно бросил председатель и дал понять, что разговор окончен.

Должен сделать маленькое отступление. Мне очень повезло с моим первым руководителем — начальником ЭТУС — Семеновым Алексеем Николаевичем. Я начал у него работать по окончании института, имея за плечами только голые теоретические знания. Пришлось полностью самостоятельно учиться — как применять на практике эти знания.

Многое сразу не получалось, но Алексей Николаевич очень бережно и деликатно интересовался причинами неудач, построил наши взаимоотношения так, что я ему выкладывал без утайки все свои трудности сомнения и ошибки. Он ни разу меня не упрекнул за мои, — в первое время не очень продуктивные результаты.

Он не мог мне ничего подсказать о технических проблемах касающихся настройки и устранения повреждений на сельской аппаратуре связи, — именно этими вопросами я занимался у него первый год в ранге старшего инженера группы технической помощи. Но он меня успокаивал,

подбадривал, увеличивал сроки, но никогда не позволял мне бросать начатую работу.

Справедливости ради надо сказать, что ему перепоручать эту работу просто было некому. Давал столько времени, сколько требовалось, чтобы её завершить.

Но как он радовался со мной каждому моему успеху! Ради этих минут общей неподдельной его и своей радости я готов был работать сутками. И работал! И отдача от работы возрастала с каждым днем и очень даже хорошими темпами.

Откровенно говоря, с приходом на ТТС я очень рассчитывал на аналогичную поддержку. Особенно — от Горкома партии. И вот, буквально с первых шагов, должен был констатировать, что жестоко просчитался.

Оказалось, что я как собачонка, едва умеющая плавать, был брошен в совершенно незнакомый, очень крупный водоворот. И только от меня самого зависело — утону я, или сумею все-таки, удержаться на плаву, выплыть. И времени, учиться плавать, у меня практически не было. Подтверждения этого вывода следовали по нарастающей.

Меня уже разыскивал начальник промышленно транспортного отдела горкома партии Волнянский Анатолий Никифорович, и —

конечно же, по исполнению поручения вчера данного первым секретарем. Назидательным тоном он пытался вбить в мою неразумную голову мысль, что личные поручения, данные руководителями такого ранга, не обсуждаются, а исполняются максимально быстро и любой ценой.

Но я тоже имел свои взгляды на жизнь. Взгляды — почерпнутые из книжек, замешанные на обостренном чувстве справедливости, приоритете разумной логики, и честного партнерства взаимодействующих сторон.

Нутром чувствовал, что совершенно не решит установка телефона Дымченковскому «протеже» «глобальных» проблем с отоплением города.

Твердо знал, как нас учили, что обеспечение связью объекта — это в первую очередь, — ответственность руководителя этого объекта, и что отрасль «связь» ПОМОГАЕТ этому руководителю ЕГО проблемы решать. Что работники связи, конечно, тоже несут свою долю ответственности за состояние связи и обеспечение связью объекта, но в рамках строго очерченных правил.

В детстве я мечтал быть военным. Много прочел литературы на военную тему и был в курсе того, что особенно в первые месяцы войны многие связисты были расстреляны. По той простой причине, что «на ненадлежащее обеспечение боевых действий оперативной связью» очень легко,

в условиях хаоса, можно было повесить на них «всех собак». Желающих было много. Всегда беспрюморно можно было выставить «отсутствие связи» — в качестве главной причины неудачного претворения в жизнь «гениальных планов» их командиров. А связист — вот он, рядом...

О труде связистов на войне...

Из романа В.Астафьева «Прокляты и убиты...»

...(место действия — плацдарм на реке Днепр).

...Почти все телефонные линии, проложенные с левого берега, умолкли или едва шебуршали. Среди великого развала, хозяйственного разгильдяйства, допущенного в подготовке к войне, хуже, безответственной всего приготовлена связь — собирались же наступать, взять врага на «ура!» и бить его в собственном огороде, гнать, колоть, гусеницами давить — чего ж возиться с какой-то задрипанной связью — вот и явились в поле военные рации устарелого образца в неуклюжем загорбном ящике и с питательными батареями, величиной и весом не уступающими строительному бетонному блоку. Парой таскали рации и питание к ним радисты, но, пока настраивались, пока орали, дули в трубку, согретые за пазухой батареи садились. Уже во время войны до ума доводилась

контактная более-менее надежная рация, однако передовой она почти не достигала, оседая где-то в штабах на более важных, чем передовая, объектах.

Неся огромные потери, фронт с трудом сообщался посредством наземной связи — сереньким, жидким проводочком, заключенным в рыхлую резинку и в еще более рыхлую матерчатую изоляцию. Пролежавши четыре-пять часов на сырой земле, провод намокал, слабел в телефонах звук, придавленной пичужкой звучала по ним индукция. Товарищи командиры, гневаясь, били трубкой по башкам и без того загнанных, беспощадно выбиваемых связистов, тогда как надо было бить трубкой или чем потяжелее по башке любимого вождя и учителя — это он, невежа и вертопрах, поторопился согнуть в бараний рог отечественную науку и безголово пересадила, уморил в лагерях родную химию, считая что ученые этой науки и без того нахимичили лишка, отчего происходит сплошной вред передовому советскому хозяйству и подрывается мощь любимой армии. Его коллега по другую сторону фронта, не менее мудрый и любимый народом, характером посдержанней, хотя и ефрейтор по уму и званию, прежде чем сажать и посылать в газовые камеры своих мудрых ученых, дал им возможность всласть потрудиться на оборонную промышленность.

Чужеземный, более жесткий, чем русский, провод заключен в непроницаемую пластмассовую изоляцию — ничего ему ни на земле, ни в воде не делается. Телефонные аппараты у немцев легкие, катушки для провода компактные, провод в них не заедает, узлы не застревают. Связисту-фрицу выдавался спецнабор в коробочке — портмоне с замочком, в желобки вложены, в кожаные петельки уцеплены: плоскогубцы-щипчики, кривой ножик, изоляция, складной заземлитель, запасные клеммы, гайки, зажимы, проводочки, гильзочки — назначение их не вдруг и угадывалось. Отважным связистам-Степанам вместо технических средств выдавалось несчетное количество отборнейших матюков, пинков и проклятий. Всю трахомудию, имеющуюся на вооружении у фрица, Степан-связист заменил мужицкой смекалкой: провод зачищал зубами, перерезал его прицельной планкой винтовки или карабина, винтовочный шомпол употреблял вместо заземлителя. Линия связи — узел на узле, ящички телефонных аппаратов перевязаны проволоками, бечевками, обиты жестяными заплатами.

Уютно осевшие на дно траншеи, бойцы отводят глаза, когда уходят из окопа в разведку ребята. А разведчики одаривают завистливым, напряженно-горьким, прощальным взглядом остающихся «дома». Так разведчики-то не по

одному, чаще всего группой идут на рисковое дело. И сколько славы, почета на весь фронт и на весь век разведчику. Связист, драный, битый, один-одинешенек уходит под огонь, в ад, потому как в тихое время связь рвется редко, и вся награда ему — сбегал на линию и остался жив. «Где шлялся? Почему тебя столько времени не слышно было? Притырился? В воронке лежал?» Словом, как выметнется из окопа связист — исправлять под огнем повреждения на линии, мчится, увертываясь от смерти, держа провод в кулаке — не до узлов, не до боли ему, потому-то у полевых связистов всегда до костей изорваны ладони, их беспощадно выбивали снайперы, рубило из пулемета, секло осколками. Опытных связистов на передовой надо искать днем с огнем. От неопытных людей на войне, в первую голову в связи, — только недоразумения в работе, путаница в командах, особенно частая у артиллеристов. По причине худой связи артиллерия наша да и авиация лупили по своим почем зря. Толковый начальник связи должен был толково подбирать не просто боевых, но и на ухо не тугих ребят, способных на ходу, в боях, не только сменить связистское утиль-сырье на трофейный прибор и провод, но и познать характер командира, приноровиться к нему. Толковый начальник не давал связистам спать, заставлял изолировать, сращивать аккуратно провода, чтоб в

горячую минуту не путаться, сматывать нитку к нитке, доглядывать, смазывать, а если потребуется, опять же под огнем, починить, собрать и разобрать телефонный аппарат. Толковый командир связи обязан с ходу распознать и разделить технарей, тех, кто умеет содержать в порядке технику, носиться по линии, и «слушачей» — тех, кто и под обстрелом, и при свирепом настроении отца-командира не теряет присутствия духа, понимает, что пятьдесят пять и шестьдесят пять — цифры не одинаковые, если их перепутаешь, — пушки ударят не туда, куда надо, снаряды могут обрушиться на окопы своей же пехоты, где и без того тошно сидеть под огнем противника, под своим же — того тошнее. Телефонист с ходу должен запомнить позывные командиров, номера и названия подсоединенных к его проводу подразделений, штабов, батальонов, батарей, рот. Кроме того — Бог ему должен подсоблять — различать голоса командиров: терпеть они не могут, особенно командиры высокие, когда их голоса не запоминают с лету, для пользы дела надо телефонисту мгновенно решить — звать или не звать своего командира к телефону, кому ответить сразу: «Есть!», кому сообщить, что товарищ «третий» или «пятый» пошел оправиться. И всечасно связист должен помнить: в случае драпа никто ему кроме Бога и собственных ног, помочь не сможет. Связист — не генерал, ему не позволено

наступить сзади, а драпать спереди. Убегать связисту всегда приходится последнему, поэтому он всечасно начеку, к боевому маневру, как юный пионер к торжественному сбору, всегда готов — мгновенно собрав свое хозяйство, он обязан обогнать всех драпающих не только пеших, но и на лошадях которые. Будучи обвешанным связистским оборудованием, оружием, манатки свои — плащ-палатку, телогрейку, пилотку, портянки, обмотки клятые ни в коем случае не терять — никто ему ничего взамен не выдаст, с мертвецов же снимать, да на живое тело надевать — ох-хо-хо. Кто этого не делал, тот не почует кожей своей...

«Где эта связь, распра...» Не дав закончить складный монолог, связист должен сунуть разгоряченному командиру трубку: «Вот она, т-ыщ майор, капитан, лейтенант! Тутока!»

* * *

Жестко, сурово, обнажено правдиво, и в самую точку. И хотя сейчас не было войны — и ситуация в мирной жизни совершенно иная и несопоставима по напрягу с реальными ужасами военного времени, но ассоциации просматривались. Я быстро понял, что Телеграфно-телефонная станция в Синегорске — это очень удобный молниеотвод для очень многих руководителей

предприятий. На этот «молниеотвод», с молчаливого согласия властей, — очень легко можно переложить собственные просчеты. Недостатки собственной хозяйственной деятельности.

Смириться с навязываемой мне ролью «молниеотвода» я не хотел. Всегда мог постоять за себя. А в данном случае, — моим «Я» должно было стать это, нежданно-негаданно, свалившееся на меня попавшее в беду предприятие. И пока еще только подсознательно, мне начинало становиться за него обидно.

Поняв, что со мной каши не сварить, Анатолий Никифорович приказал: — вот лично и доложите Дымченко о своем неумении работать.

Делать нечего — надо было звонить Дымченко.

Позвонил в приемную, секретарь соединила.

— Александр Сергеевич, по таким-то и таким причинам — я не смогу выполнить ваше задание, — виноватым голосом выдавил я.

— Какого же черта вы тогда мне звоните, — раздраженно бросил секретарь и положил трубку.

Да... — с начальством отношения у меня явно не клеились.

А может быть бросить всё и отказаться от начальнического титула, пока не успел еще и окончательно не увяз в этом болоте — скользнула

предательская мысль. Пока еще только скользнула....

Поздно вечером возвращался домой, как всегда пешком. Поймал себя на мысли, что постоянно думаю о работе, мучительно думаю, — а ведь раньше со мной такого не бывало. Обычно в дороге я всегда напевал какую-нибудь песню. Сколько себя помню — всегда пел. В зависимости от того, где нахожусь, или «про себя», или вполголоса, или просто мурлыкал мотивчик. Или, — особенно в детстве, — насвистывал. Заливался свистом. Мать так и поддразнивала — наш «свистун»!

Песни были разные. В зависимости от настроения, — о любви, просто красивые, бодрящие и «боевые». Я знал массу песен наизусть, и обладал прекрасным слухом и неплохим голосом.

По этой причине меня непрерывно тянули хударуки в самодеятельность, а я её боялся как черт лаdana. Почему боялся — это другая история...

И вдруг — молчу. Попытался запеть осознанно — не пелось...

А ночью засыпать становилось все труднее.

Глава 7

Прошло еще несколько дней. Вопросов без

ответов становилось все больше и больше. Вокруг появлялось все больше и больше начальников разного ранга, которые считали своей обязанностью дать мне очередное задание с требованием «исполнить его в кратчайшие сроки». Я все больше и больше огрызался и все больше и больше портил отношения с руководящими работниками города и частично, области.

Наконец не выдержал, — пошел к своему Семенову. Алексей Николаевич после передачи мне власти в ЭТУС выбрал себе место для скромной работы в техническом отделе. Там и находился. Принял меня с радостью — выслушал, посочувствовал.

— Виктор Васильевич, вам надо выдержать этот натиск. Вас сейчас все пробуют «на зуб». Вам надо проявить характер.

— Да вот я его и проявляю! Но мне за это все чаще, и все сильнее, «достаётся на орехи» — пожаловался я. Такое количество поручений — что только от перечисления их кругом идет голова! И все требуют их выполнить, и все — немедленно.

Алексей Николаевич ответил просто: — а зачем их ВСЕ выполнять? Выполните два-три, из десяти. Главных ваших начальников это устроит. И посоветовал: — сходите к начальнику Почтамта Селину Степану Ивановичу. Он имеет огромный

опыт работы со структурами власти, его советы будут для вас полезны. И добавил на прощание: — не хватайтесь за все сразу. Определите конкретные, пусть даже маленькие проблемки, поддающиеся решению, и старайтесь последовательно их выполнять.

Странное чувство... Он не был многословен. Говорили его глаза. Из них лучилась твердая уверенность в том, что я со всем этим обязательно справлюсь.

К Селину — проработавшему в городских предприятиях связи долгие годы, причем успешно проработавшему и в настоящее время возглавлявшему городской Почтамт пока особой нужды идти не было. Чтобы взбодриться, пока мне хватило Алексея Николаевича. Но напоминание Семенова о нем было кстати. Действительно полезно было бы с Селиным поговорить, но это я сделаю попозже...

А пока я приглашал в кабинет Ковалева, задавал ему возникающие в ходе ознакомления с предприятием вопросы, просил охарактеризовать наиболее ключевых руководителей и работников, мотал его информацию на ус. Выводов никаких не делал, просто принимал её к сведению.

Петр Романович внешне был для меня полностью открыт, но мне приходилось учитывать, что он обозлен на весь мир, Практически всех

работников цеха ГТС за редким исключением, кроме как сволочами и пьяницами не называл. Убеждал меня, что воздействовать на них кроме как через ругань и крики почти невозможно. По поводу взаимоотношений с властями только сочувственно вздыхал, но о том, как строить работу со службами и цехами ГТС — делился охотно.

Вот и сейчас он вводил меня в курс дела, — каков порядок проведения приема посетителей по личным вопросам. Делился опытом. В ближайшую пятницу во второй половине дня мне предстояло провести свой первый прием.

Оказывается, прием граждан «по личным вопросам» занимает важное место в распорядке дня начальника ГТС. Проводится в специально отведенные для этого действия часы и не подлежит отмене, ни под какими предлогами. На прием посетителей отводится три часа времени каждую пятницу во второй половине дня.

Петр Романович рассказал о порядке проведения приема, предупредил, что практически все посещения жителей города касаются либо установки телефона, либо восстановления его работы.

Сообщил, что при приеме на рабочих местах должны находиться начальник цеха ГТС, начальники абонентского и технического отделов.

С ними имеется прямая связь и необходим постоянный контакт с ними, в процессе приема. Предупредил, что я должен вести прием обязательно при свидетеле и порекомендовал для присутствия в кабинете почему-то — начальника отдела кадров Парк Светлану, которая будет заодно вести сопутствующую документацию. Порекомендовал быть максимально сдержанным, ибо мне придется иметь дело с совершенно непредсказуемым поведением людей. Разные люди заходят в этот кабинет... Рассказал несколько возмутительных историй. О том, как на него один из инвалидов-посетителей набросился с костылем... Другой — пытался схватить за грудки....

При этом его резко усилившееся заикание выдавало внутреннее волнение. Чувствовалось, что процесс приема был для него довольно неприятной обязанностью, — одни только воспоминания о которой, вызвали прилив крови к голове. Мало того что он все сильнее и сильнее заикался, его лицо сильно побагровело, стало откровенно жестким и угрюмым. Наверное, сказывалось то, что его не просто уволили с работы. На него завели уголовное дело по каким-то махинациям, связанным с установками телефонов. Проводилось следствие, и его ждал суд...

На следующий день в пятницу после обеда мне предстояло испытать прием на себе.

Я уже познакомился и побеседовал с начальником абонентского отдела — Юртабаевой Асией Хасановной и начальником технического учета — Боровик Любовью Ильиничной — милοвидными приятными женщинами очень вежливыми и предупредительными со мной.

Любовь Ильинична, маленькая, юркая, вся была усеяна конопушками, что было очень необычно, и они её совершенно не портили. Она откровенно радовалась моему приходу на предприятие и при первой же встрече, видно желая сделать комплимент, сообщила, что наслышана обо мне только с хорошей стороны и уверена что с моим приходом на ТТС, наконец, возобладает порядок.

Асия Хасановна — статная, высокая татарка, чувствовалось — женщина себе на уме. Complimentами не сыпала, держалась настороженно, но с достоинством.

Из беседы с ними при знакомстве понял, что они прекрасные специалисты, хорошо знают сеть и готовы ответить на любые вопросы, возникающие в процессе приема. На опасения, что я пока вряд ли смогу что-либо обещать людям — уверили, что два-три положительных решения они мне найдут. И этого на прием будет достаточно.

Ну вот! И здесь действовало правило указанное накануне мне в качестве совета у Семенова.

Уже уходя на обед в столовую в час дня, увидел в приемной несколько горожан записывающихся на прием у секретаря. Секретарь приемной на обед не уходила.

Возвратившись с обеда, за пятнадцать минут до начала второй половины рабочего дня, я с трудом смог пробиться в кабинет. Приемная была буквально набита людьми разных возрастов. Их было человек двадцать. Некоторые были очень пожилыми, явно больными и сидели на немногочисленных стульях, имеющих в приемной. Остальные просто стояли.

Меня естественно никто не знал. Я выглядел очень молодо, был стройным и подтянутым и совсем не походил на начальника. Вняв просьбе секретаря, люди расступались, чтобы пропустить меня в кабинет. Я осторожно протискивался сквозь толпу, ощущая на себе удивленные и любопытные взгляды.

В кабинете уже сидела Парк Светлана. На её столе находилась картотека, в которой по алфавиту были разложены во время предыдущих приемов заполненные листки приема посетителей, стандартной формы, в каждом из которых была зафиксирована суть просьбы, принятое решение,

ход и сроки исполнения его. Рядом лежала стопка пустых бланков.

Било волнение. По прямому телефону попросил секретаршу впустить первого посетителя. Прием начался.

К моему удивлению — нет, — не вошли, — буквально вползли два человека. Это были очень-очень больной старик, практически почти не умеющий передвигаться без посторонней помощи, и молодая, очень бойкая на вид, решительно настроенная девушка, похоже, — его внучка. Так и оказалось.

У меня невольно вырвалось:

— Зачем Вы привели этого дедушку?

— Для того, что бы вы лично убедились — насколько ему нужен телефон на квартире — нагло ответила девица.

— Покажи, покажи ему документ, — обратилась она к больному дедушке, который трясущейся рукой, что-то бормоча, пытался вытащить удостоверение Участника войны из кармана.

— Он участник войны! У него льготы, а вы ему даже телефона поставить не можете, — продолжала внучка. Еще ничего не услышав от меня — она уже переходила на крик.

На деда было жалко смотреть. Но он тоже пытался что-то говорить, и, похоже, плохо слышал.

Его бы в больницу...

— Это же не медицинское учреждение, а я не врач, — растерянно пытался её урезонить. Неужели вы не смогли бы сами без его присутствия изложить просьбу об установке телефона? Неужели вам его не жалко было больного, сюда тащить?

— Это вам его не жалко... — накаляла обстановку просительница.

И тут вмешалась Парк. По фамилии ветерана войны, указанной в удостоверении, она нашла в картотеке листок приема с широкой красной полосой, нанесенной по диагонали, в котором было записано, что дом, в котором проживает ветеран, — не только сам не телефонизирован, но не телефонизирован и весь микрорайон, только недавно начатый застраиваться в городе. В конце листка приема стояла резолюция: — телефон будет установлен во втором квартале 1986 года.

— Вам же объясняли, что надо подождать до весны, — твердо отчеканила она. Если что-то наметится ранее, мы вам сообщим. А теперь прошу вас дать возможность нам нормально работать.

— Он не доживет до лета, — визгливо закричала девушка. Ставьте всем телефоны по благу... Ну, ничего, я найду на вас управу.

Взгляд её упал на стоявший в углу телевизор. — Живете здесь в роскоши...

Деду явно было тяжело это выдерживать, он

пытался встать. Света подскочила к нему, подхватила его под руку и повела к выходу. Внучка, продолжая сыпать угрозами, невольно поспешила за ними.

— Уф-ф-ф...

Я тут же, позвонил по прямой связи Асие Хасановне и спросил: — мы действительно сможем установить этому человеку телефон во втором квартале?

— Нет, — помявшись, ответила она.

— Тогда почему же мы ему это обещаем?

— А мы просто не можем отказывать людям, особенно участникам войны — был её обескураживающий ответ.

Да, похоже, обещания в этом кабинете раздавались щедро...

Следующей посетительницей была женщина средних лет интеллигентного вида, почему-то вошедшая раньше многочисленных людей пожилого возраста находившихся в приемной. Несмотря на свою интеллигентность явно не в её правилах было уступать им очередь. Она очень сочувственно посматривала на меня. Её лицо выражало откровенное презрение к выковылявшему предшественнику. Даме тоже требовался телефон...

Мы приняли более 20-ти человек и только двум из них, как и обещала Асия Хасановна, дали

надежду на установку телефона, правда, после дополнительной проверки монтерами линий.

Посетителям, пришедшим лично сказать, что у них очень давно поврежден домашний телефон и мер по восстановлению его работы не принимается — я тоже ничего не обещал. Говорил лишь что разберусь. Созванивался с Висящевым по прямой связи, и, видя, что консультации с ним ни к чему определенному не приводят — откровенно говорил людям, что пока не могу им ничего сказать конкретного, кроме как разобраться с причиной повреждения, закрепленного за ними номера. Не обозначая сроков, просто просил их еще немного потерпеть. Некоторые меня понимали, но на лицах большинства посетителей читалось разочарование и не только оно...

Когда прием закончился, было около восьми часов вечера. Эти, без малого шесть часов непрерывного общения с людьми показались мне вечностью. Интересно, лицо у меня было таким же багровым как у Ковалева при упоминании о приемах?

Проблема телефонизации квартир граждан — жгла, горела...

Добрая половина посетителей, прошедших через прием, действительно нуждалась в телефонах. Многие приходили сюда не первый раз. Почти все заявляли, что стоят в очереди давно, десятки лет, а

очередь не продвигается. Некоторые заявляли, что в их доме недавно поставили телефон. Хотя они, в доме по очереди, — первые?!.. И услышав, что сейчас им поставить телефон нет возможности — тут же требовали объяснений. На каком основании (подразумевалось, что, конечно же, — по блату) этот счастливчик, — их сосед по дому, — сумел получить заветный номер?

Я выяснял это у Асии Хасановны — и, с её слов, сообщал причину установки телефона счастливчику: — «по производственной необходимости»... — «по распоряжению «Обкома», Горкома»..., «Горисполкома»... Конечно же, данный ответ их не устраивал, и люди уходили недовольными.

Да лучше бы я вместо встречи с этими людьми разгрузил вручную несколько машин с углем.

Перед приемом, по совету Ковалева, я внимательно изучил нормативные документы по Правилам установки телефонов. К сожалению, реальность резко отличалось от идиллии, прописанной в них. К тому же «Правила» были очень не конкретны.

Во время приема особенно было жаль больных и стариков, их рассказы о своих «болячках» больно трогали душу.

Мне всегда было жаль слабых и обиженных. В

детстве даже был случай, когда я очень сильно подрался со своим лучшим другом, только из-за того, — что он убил первую весеннюю муху. Это смешно, но это правда.

А тут люди! Больные, страдающие люди!.. И в настоящее время, не в моих силах было им помочь.

С гнетущим чувством пешком возвращался домой. Осмысливал проведенный прием. Получался какой-то парадокс: — мы делали вид, что принимаем людей с целью — сделать им хорошо, а на деле только озлобляли их. Люди, приходя к нам, делали вид, что верят нам, а на самом деле безапелляционно опротестовывали наши решения — и этим озлобляли нас. Какой-то механизм взаимного озлобления! Кому это выгодно? Ради чего это делается?..

Было ощущение бесполезно потраченного времени. И самое главное, — для меня это сразу стало очевидно, — выходу из тяжелейшего кризиса с качеством работы сети, в котором явно находилось предприятие, эти приемы совершенно не помогали. Чувствовал, может быть из-за непривычки, что прием просто выбил меня из колеи. Полная неудовлетворенность в душе...

Хотя двум счастливицам все-таки повезло. По адресам их проживания таки были выписаны справки на дополнительное обследование возможности установки. Пока, только

возможности...

На следующий день, первым делом распорядился, чтобы телевизор был вынесен из кабинета. Его установили в приемной. В отличие от директора телевизор секретарше в приемной, наверное, смотреть было можно. Впрочем, она его почему-то тоже не включала.

Глава 8

Незаметно пролетели две недели. Ничего существенного за это время не произошло. Висящева понапрасну не дергал. Собирались втроем по вечерам. Я все больше и больше вникал в суть эксплуатации линейно-кабельного хозяйства города все яснее и яснее представлял для себя весь трагизм ситуации сложившейся в цехе.

Совсем не случайно получилось, что именно цех ГТС — цех с очень тяжелыми и непривлекательными условиями труда предполагающими в любую погоду его работникам исполнять свои обязанности на улице стал наиболее слабым звеном в комплексе взаимоувязанных очень ответственных задач поставленных перед ТТС. Здесь в первую очередь отражались наиболее неблагоприятные тенденции имевшие место не только в отрасли, но и в народном хозяйстве страны в целом.

Изучая кадровый состав цеха, я сразу же обратил внимание на то, что в цехе не оказалось ни одного специалиста с высшим образованием. Даже с техникумом связи не было. Малочисленные инженерные должности занимали самоучки.

Не было заманчивых стимулов привлекающих на этот, особенно в глазах молодежи, непрестижный участок работы. Поэтому и не шли сюда люди. Инженеры и техники с образованием не шли из-за уравниловки, царившей на предприятии в целом в системе оплаты труда. Даже начальник цеха здесь получал заработную плату в лучшем случае наравне с кабельщиком-спайщиком, у которых, кстати, заработная плата была тоже неадекватна тем скотским условиям, в которых они работали. По крайней мере, в то время когда я пришел. Начальник цеха ГТС — Александр Дмитриевич имел за плечами только ПТУ, получал на практике зарплату даже меньше чем у подчиненных ему кабельщиков — в сложившейся ситуации премии он, как правило, не получал. Было много причин — лишить его этой премии.

Прав был Ковалев. Управление производственными процессами строилось, особенно на запущенных участках, на криках и постоянных уступках со стороны руководства рядовым работникам, представителям рабочего класса. Еще бы — рабочий класс, — он ведь, по

любимому выражению председателя Областного профсоюза работников связи Ситниковой Полины Ивановны, — он ведь, — «гегемон»! Никто не смеет, обидеть рабочего человека. Рабочий человек везде востребован и всегда — нарасхват. Обидишь — найдет другую работу!

Не было честной и справедливой системы оплаты труда за приложенные усилия. Партийная пропаганда по-прежнему призывала людей во имя близкого светлого будущего «бросаться на амбразуры».

Понимали эти призывы — каждый, по-своему. Совестьливые, честные люди трудились с полной отдачей, рвачи и хапуги брали «на горло». Последние, — они ведь «гегемоны», они давно поняли — честный труд, это для дураков. Они давно поняли, что ту зарплату, которую получают в поте лица эти «дураки-первые», им дадут и так! Только, — за присутствие на работе, за видимость работы. И действительно, давали...

Качество работы определялось внутренним состоянием души человека. Циничное, развращающее влияние откровенных халтурщиков, а их появлялось все больше и больше, разлагающе действовало на коллективы. Появление слабых и некомпетентных руководителей резко усугубляло ситуацию.

Я на своем опыте повидал достаточно таких

людей и в ЭТУС. Нахрапистых, бьющих по поводу и без повода себя в грудь — я же, рабочий класс! Равнодушных лентяев, откровенной демагогией прикрывающих явное нежелание и неумение работать...

За последние десять лет самостоятельного плавания Телеграфно-телефонной станции, как отдельного предприятия, цех ГТС в её составе, накопил полный набор наихудших методов производства.

Запас прочности линейно кабельной сети до образования Телеграфно-телефонной станции, накопленный в Городском узле связи, под руководством Селина Степана Ивановича, полностью исчерпал себя. Ушли кадровые работники, была потеряна преемственность производственного процесса. Качество работы сети валилось на глазах. Грянул и завис во времени кризис. Неразборчивость в подборе кадров привела к появлению в цехе таких руководителей как Обухов. Практически отсутствовала дисциплина.

Не знаю с чьей подачи но «гегемоны» цеха ГТС нашли очень характерный для текущего времени способ зарабатывания денег. В какой-то момент они стали «не успевать» устранять повреждения на сети в рабочее время, стали задерживаться, чтобы окончить работу. Создавалось впечатление заботы о деле. Но,

несмотря на задержки, повреждений становилось все больше. По существу детально разобраться с причинами их роста своевременно руководство не смогло.

С ростом повреждений необходимость работы в сверхурочные часы все возрастала. Припозднившихся на работе, хвалили и ставили в пример. Очень скоро задерживающиеся для устранения повреждений «герои» попросили оплаты, полагающейся за работу в сверхурочное время.

Профсоюз бдительно следил, чтобы эта оплата в зависимости от часов переработки оплачивалась в полуторном, а затем и в двойном размерах. И пошло — поехало. Больше повреждений — больше сверхурочных! Больше сверхурочных — выше зарплата! Деньги они и есть деньги — не важно, по какой статье выплачиваются. «Гегемон трудился». Повреждения нарастали как снежный ком. Их количество временами зашкаливало и достигало тысячи...

И по факту, к моему приходу сверхурочные переработки в цехе ЛКЦ тоже исчислялись тысячами часов.

Профсоюз с одобрения своего областного руководства очень заботился о «гегемоне». Им прямо на рабочее место подвозили горячее бесплатное питание, подвозили даже спиртное «для

сугреву». Что может быть вреднее — пьяного кабельщика спайщика во время работы...

Вторым доходным источником были порывы кабелей. А в городе разворачивалось серьезное жилищное строительство. Предприятию, допустившему порыв кабеля, грозил штраф. Специалистов в городе по устранению повреждений на телефонной сети кроме как на ГТС не было. Якобы спасая штрафника порвавшего связь, Обухов со-товарищи, предлагал свои услуги по устранению порыва. Даже — со своим материалом, естественно не за красивые глаза. «Калым» гораздо превышал потерю премии за плохое качество работы сети. Да и премии их, «гегемонов» своевременно устранивших порыв кабеля, никто и не лишал...

За десять лет, в период с 1976 по 1985 год новое строительство АТС и телефонных сетей по существу — в городе только начинало разворачиваться. В 1977 году была введена в эксплуатацию локальная координатная телефонная подстанция ПСК-1000 емкостью 1000 номеров в западной части города. В 1978 году была построена декадно-шаговая АТС емкостью 1000 номеров в Юбилейном микрорайоне. Затем наступило затишье. Очередная АТС емкостью 2000 номеров в центре города строилась ни шатко, ни валко. Началось её строительство в 1979 году, и было в

основном закончено за год до моего прихода в 1984 году. При этом линейно-кабельная сеть опять-таки по причине крайне низкого качества работы приезжих строителей — тоже, — «гегемонов», принималась в эксплуатацию с серьезными недоделками. А Управлению связи нужно было выполнять план любой ценой. Все то, же торжество показухи.

Буквально во второй половине 1985 года по рассказу Висящева был принят в эксплуатацию четырехсотпарный кабель, оканчивающийся 414-ым, 415-ым телефонными шкафами, по улице им. Урицкого. Он не был герметичным, не держал воздух, при прозвонке нормам не соответствовали почти пятьдесят процентов жил.

Руководство Управления умудрилось заставить принять этот кабель в эксплуатацию в качестве двухсотпарного. На заведомо неисправный кабель стали тут же включать абонентов, причем спаренных абонентов. За счет этого и установили 400 новых телефонов. В момент моего вступления в должность более сорока из них, только что включенных в работу, числились в неисправных.

Необходимо добавить, что Областной центр не имел ливневой канализации, и практически весь год ее роль для города исполняла телефонная канализация ГТС. Она почти вся подтапливалась особенно весенними и осенними водами.

Многочисленные порывы водопровода, а в зимнее время, — утечки горячей воды из системы отопления, беспрепятственно проникали в канализацию ГТС и заполняли её колодцы по самое горлышко. Короче — наихудших условий эксплуатации кабелей связи не придумаешь и в дурном сне...

Приемы по личным вопросам с некоторыми вариациями повторяли первый. И опять кроме полного разочарования и ощущения никчемности происходящего они ничего не приносили. Выматывали основательно, оставляли в душе горький осадок, и стабильно пополняли и накапливали на сердце болезненную неудовлетворенность.

В промежутках между вызовами в Горком и Горисполком я продолжал знакомиться с командой и предприятием.

Глава 9

Подошел срок проведения собрания по итогам года. Как новый человек, в дела по подготовке собрания я решил не вмешиваться. Правда, по ходу событий, ко мне подходили сотрудники, пытались советоваться по организационным вопросам, но я с

легкой душой переправлял их к Макарычеву. Обратил внимание, что особую активность в этом вопросе проявляли начальник планово финансового отдела, и мой заместитель, курирующий вопросы междугородной связи, взаимодействие с профсоюзами и еще что-то, связанное с общественными функциями.

Я помнил, что несколько лет назад на должность заместителя начальника ТТС был назначен молодой специалист, окончивший Ташкентский электротехнический институт связи Нурахметов Аскар Накишевич, но видно не потянул ноши. В настоящее время он работал начальником цеха АТС.

В качестве заместителя Ковалевым мне была представлена молодая женщина, Белявская Елена Евгеньевна, причем аттестована она была, чуть ли не лучшим работником на всей ТТС. Познакомился поближе и с ней. Елена Евгеньевна оказалась очень симпатичной. Её глаза источали какое-то странное, успокаивающее, умиротворенно участливое внимание. Всем своим видом она показывала, что готова выполнить любое мое задание. Поговаривали, что к ней равнодушен Ковалев, но мне это как-то было все равно. А вот из разговора по работе я так и не понял, чем она конкретно занимается.

Сидела передо мной этакая очень ласковая

кошечка. Преданно заглядывая в глаза, в процессе беседы умудрилась даже, как бы невзначай, положить свою ладонь на мою руку. Руку я убрал — мне стало неприятно.

Предупредил, что ответственность за подготовку предстоящего собрания полностью лежит на ней. Получил от неё горячие заверения, что пройдет оно наилучшим образом. Разошлись — и забыл об этом. Мне было явно не до собрания.

Из общения с Еленой Евгеньевной понял, что выполнять обязанности заместителя в тех объемах, которые обычно распределялись на эту должность в эксплуатационных предприятиях, она явно не сможет. В моем понимании заместитель должен был помимо того что Елена Евгеньевна якобы исполняет, первым делом заниматься транспортом, тянуть хозяйственный блок, курировать строительство. Явно почему-то лукавил Ковалев, так красиво говоря о её достоинствах.

Сразу после обеда в большом вместительном Красном уголке, который располагался в здании электрокорпуса, собралось более 100 работников предприятия — представителей от всех цехов и служб. Я дождался Фенина Андрея Алексеевича, и вместе с ним мы вошли в зал. Председатель профсоюзного комитета провела нас на пустующие места в первом ряду. Люди с любопытством

поглядывали на меня, по залу гуляло жужжащее перешептывание.

Председатель комитета подошла к трибуне и предложила избрать Президиум. В зале встал один из работников и по заранее заготовленному списку зачитал фамилии людей, в числе которых были и мы с Фениным. Зал дружно проголосовал. Все «выдвинутые» поднялись на подмосток сцены и заняли свои места в Президиуме. Собрание началось.

Доклад Макарычева был объемный, пестрел цифрами достижений, назывались фамилии передовиков, и если бы я не побывал уже в новой шкуре начальника ГТС, то должен был бы только радоваться и считать, что мне крупно повезло.

Действительно, планы были почти все выполнены, много хорошего было сказано о работе телефонисток. Цех телеграфа гордо назывался цехом Коммунистического труда. Резко были перевыполнены планы цехом радиоузла, качество работы которого с гордостью оценивалось на отлично. Перечислялось введенное в эксплуатацию оборудование, смонтированное и отлаженное собственными силами, — междугородчиками, телеграфистами...

Александр Николаевич выделил и отдельные недостатки. В числе их настойчиво сквозила неудовлетворительная работа цеха ГТС по

устранению повреждений на линейной сети. Выражалась осторожная надежда, что с приходом нового начальника предприятия положение и здесь изменится.

Затем последовали отчеты цехов. Их зачитывали передовики — рядовые работники. Телефонистка, телеграфистка, монтер цеха радификации, инженер цеха АТС. Все они перечисляли достижения своих служб, высказывали мелкие претензии по организации рабочих мест, — таких как холод на переговорном пункте, недостаточное количество телефонных гарнитур для телефонисток, а также мелкие претензии к смежным цехам.

Но в одном они все были дружны. То, что телефонисты не могли представить заказанные переговоры по причине неработающих телефонов — виноват был цех ГТС! То, что телеграфисты не могли выполнить заявку предприятия на организацию прямой телеграфной линии — виноват был цех ГТС!! То, что цеху радиоузла не хватало автомашин (большее количество перераспределялось на цех ГТС) — виноват тоже был цех ГТС!!! То, что блокировались и залипали приборы на телефонных станциях — виноват был цех ГТС...

Обвинения в адрес цеха ГТС скользили явно по накатанной и привычной колее, но я заметил,

что ни в одном из критических выступлений не предлагалось даже маломальского конструктива. Хотя бы тонких штрихов — а как сделать, чтобы не был виноват во всем цех ГТС???

Последним выступал от ГТС сам Висящев. В целом его выступление было кратким. Он тоже сказал немного о достижениях цеха — как ни странно, они были. И совсем странно что был выполнен план по приросту телефонов-автоматов и план доходов от них, был выполнен. Странно, но был выполнен план по приросту телефонов. Ставились телефоны и участникам войны, ибо на эти установки тоже был план.

И, конечно же, в его выступлении прозвучали сетования на отсутствие специалистов, недостаточное обеспечение транспортом, и особенно на практическое отсутствие поставок многопарного телефонного кабеля для замены поврежденных участков а также поставок других эксплуатационных материалов. По этой причине практически не проводился капитальный ремонт. Закончил Висящев выступление скромно, без обещаний, и вернулся в зал.

В целом собрание прошло очень организовано. В заключение я сказал несколько слов. О том, что увидел сегодня вверенный мне коллектив очень мощным, с хорошими потенциальными возможностями, И видимо, нам

всем вместе необходимо подумать, — что коли уж работа всего предприятия зависит от цеха ГТС — как бы ему оказать посильную помощь? Сказал, что, по моему убеждению — особенно это мог бы сделать радиоузел. Отметил, что основное, что надо сделать — это максимально снизить повреждения на телефонной сети, и это, потом, позволит работать не аврально, а по планам.

Выступивший в заключение, Фенин особо в критику не впадал, но что важно — пообещал помочь кабелем...

И действительно через несколько дней кабель поступил. Его было явно недостаточно — но сам факт поступления обнадеживал. Немаловажно было и то, что это был целевой кабель, пришедший не для развития сети, а именно на эксплуатационные нужды, — для ремонта. Даже Александр Дмитриевич приободрился.

Спустя несколько дней оказалось, что радоваться было рановато. Макарычев принес новость, что главный инженер Управления связи Искандеров требует, чтобы из полученного пятидесятипарного кабеля — четыре километра мы самостоятельно проложили на вокзал. Там требовалась установка новых телефонов. А его, — этого кабеля, всего-то и было четыре километра.

— Вот так и работаем с Управлением, — с горечью заключил он.

Я возмутился.

Пошли вдвоем к Искандерову. Амантай Искандерович на своем распоряжении настаивал. Я пытался убедить его, что сейчас надо все силы сосредоточить на ремонте имеющейся сети, а не на её развитии. Страсти накалялись. Мое природное упрямство давало себя знать, и я ледяным тоном сказал, что пока не убережу повреждения до разумных пределов, никаким развитием заниматься не буду. Это было Искандерову как нож в сердце.

— Никогда не избавитесь вы от повреждений, — бросил он. Если в городе их количество будет сохраняться на сети не более трехсот-четырёхсот в день — нас это устроит.

— Меня это не устроит! Горожан не устроит! — посмел я не согласиться.

— Посмотрим... — многозначительно хмыкнул Искандеров. Это все в ваших мечтах. А вокзалу железнодорожному — сейчас требуется дополнительная и надежная связь! Он все еще не терял надежды — надавить, и добиться моего согласия на перераспределение злосчастного кабеля с эксплуатации на развитие, но я твердо стоял на своем. Разругались... И все-таки одолеть мое упрямство Искандерову не удалось.

Макарычев во время нашей перепалки не оставался в стороне, и тоже, пытаясь сдержать возмущение и очень волнуясь, запальчиво вставлял

реплики и всячески старался поддержать меня. Окончательное решение повисло в воздухе, но покинув кабинет, мы чувствовали — победа будет за нами. Мы тоже печемся о деле! Ну, не с работы же нас за это снимать...

Глава 10

У меня закончился испытательный кандидатский срок. Секретарь партийной организации — по основной должности — начальник спецотдела, Мелонская Раиса Федоровна — женщина средних лет. Очень строгая на вид, молчаливая и замкнутая. Что интересно: вот ведь, — секретарь партийной организации, а говорит как-то косо, и слова из неё вытягиваешь с трудом. Она сообщила, что надо мне готовить документы на прием в партию.

Среди недели пошел фотографироваться на партбилет. Получил свои фотографии и сам себя не узнал. Резко похудевшее лицо, хмурый настороженный взгляд, и какая-то усталость... Очень себе не понравился. Решил перефотографироваться рано утром в понедельник, с утра пораньше. После ночного отдыха — выгляжу лучше...

Прием в Партию проходил в актовом зале городского комитета. Приглашали прошедших

кандидатский срок на собеседование с ветеранами партии, членами парткомиссии строго по списку. Перед этим усиленно штудировал Устав партии. В голову ничего не лезло.

Больше чем за прошедшие три недели, когда свалилась эта начальническая ноша, казалось, напугать меня уже никто и ничто не может. А вот перед собеседованием волновался и трепетал — вот ведь — СОБЫТИЕ...

В возрасте в тридцать три года, я уже многое повидал, успел закалить характер, и тем не менее волнение было особенно сильное. В Партию я вступал по убеждению, в Партию я свято верил и считал за честь — стать коммунистом.

Совсем недавно КПСС возглавил молодой энергичный Генеральный секретарь Горбачев Михаил Сергеевич. У очень многих появилась надежда, что страна избавится наконец от обстановки самовосхваления, что реальная жизнь людей будет соответствовать декларируемым ценностям. От Партии зависит все.

На своем опыте убедился, что не только политику определяет, но и непосредственно руководит народным хозяйством страны Партия. А значит, — оказывать эффективное влияние на ход производственных процессов, в которых в ходе профессиональной деятельности принимаю участие, я смогу — только находясь в рядах

коммунистов.

По должности, во время работы в ЭТУС, меня часто приглашали на открытые партийные собрания, давали право выступать в прениях по тому или иному вопросу. А вот участвовать в принятии решения могли только коммунисты. Мне это даже мешало иногда в делах. Словом, волновался очень сильно. Вступление в КПСС было очень важным событием. Не опозориться бы. Члены комиссии могли задавать вопросы на любые темы — проверяли убеждения, кругозор... Очень боялся высокопарных вопросов — ну как на них отвечать ...

Все прошло максимально быстро. После представления и оглашения краткой биографии отнеслись ко мне очень доброжелательно, не стали мучить отвлеченными вопросами, спросили лишь в разных вариациях, — когда нормально будет работать связь в городе? Ответил внешне уверенно: — через полгода! Хотя, сам уже в это верил с трудом. Приняли единогласно. Настроение было приподнятое.

Глава 11

В один из дней обсуждали с экономистом Мурносовой Валентиной Васильевной доведенные до ТТС планы на год. Они были довольно

напряженные. Особенно план по доходам, по установке и приросту телефонов. И если основную долю доходов, более семидесяти процентов, обеспечивал цех междугородной телефонной станции, работающий довольно стабильно, и Валентина Васильевна уверила, что с этой частью доходов все в порядке, то по выполнению плана установок телефонов были большие сомнения. В плане на год была заложена установка в городе тысячи телефонов. Экономист предостерегла, что если их не будет, рассчитывать на общее выполнение плана не следует. А где их взять...

Строительство новых объектов связи в городе не намечается. В планах строительства на 1986 год был заложен только один объект: — «телефонизация Северной промышленной зоны», который должен быть введен в эксплуатацию только в конце года. А установки, согласно плану — требуются уже в январе. На резервы существующей сети, с учетом сложившегося положения с качеством её работы, рассчитывать не приходилось.

И все-таки, маленькие, но резервы были. Александр Николаевич сообщил, что на вновь застраиваемой улице им. М.Горького удалось от строителей добиться телефонизации одного из домов по адресу Гагарина 68. В соответствии с действующими нормами дом был телефонизирован

на тридцать процентов от количества имеющихся квартир. То есть только каждая третья семья из заселившихся в него жильцов могла получить телефоны. Все жильцы знают, что телефонизация их дома проведена и с нетерпением ждут...

Асия Хасановна подготовила список очередников и передала мне на рассмотрение. Дом расположился в престижном месте практически в центре города. Владельцами квартир помимо льготников и очередников стали естественно и рядовые граждане, и руководители предприятий. Будучи уверенными что кому-кому, а им телефоны будут установлены в любом случае, руководители не спешили писать заявление на установку телефона. Это же надо идти на ТТС — а времени у них, — в обрез...

Асия Хасановна предупредила, что распределить телефоны будет очень сложно. Сообщила, что копию списка очередности отнесла Фенину. И вот я впервые взялся за это дело. И, конечно же, как оказалось, — всей сложности процесса не мог бы представить себе даже в самом дурном сне.

Я еще не успел ознакомиться со списком, а меня всюю начали одолевать звонками с просьбами о телефонизации квартиры того или иного жильца. Откуда они узнали, что я начал рассмотрение списков?..

Позвонил Фенин, предупредил, что список нужно согласовать с Горкомом и Горисполкомом. Я про себя удивился, но смолчал. В списке были перечислены около пятидесяти фамилий, с указанием даты подачи заявления, профессии, наличия льгот — если таковые имелись.

Приложены к списку были и личные дела потенциальных абонентов. Чего в них только не было указано. И прописка, и паспортные данные. Различные ходатайства, заверенные печатями и резолюциями руководителей Обкома, Горкома, Облисполкома... У некоторых были приложены справки об истории болезни, копии документов, подтверждающие инвалидность, справки о составе семьи — всего не перечислишь ...

Личные дела абонентов заводились с момента написания заявления, и хранились в абонентском отделе. Срок хранения их практически не был ограничен. Они являлись документами строгого учета, и система работы с ними у меня невольно тут же стала ассоциироваться почему-то, с системой работы с личными делами и другими подобными документами прямо чуть ли не как в КГБ. Но там были — государственная безопасность, судьбы людей, а тут — обычные квартирные телефоны.

Может быть, на заре развития государства, в период известной борьбы с «внутренними врагами» когда телефонная связь только начинала

развиваться такая строгая система учета средств связи и была оправдана. Но сейчас она выглядела, по крайней мере, на мой взгляд, явным нелепым анахронизмом.

Страна живет в условиях тотального дефицита всего и вся. Люди привыкли стоять в очередях. Житейское дело. Кто-то кого-то обошел, кто-то кого-то оттолкнул. В живой очереди наглецы могли выбить себе преимущества локтями и наглостью. В очереди по записи — тоже, с помощью связей, знакомств и блата. Но если купил человек по блату холодильник, или телевизор, и если продавца тут, же не схватили за руку — кто к этому возвращался?..

А вот в связи, история установки телефона — в принципе, простого бытового устройства, ну чем важность его наличия отличается от важности наличия телевизора или холодильника? — была полностью прописана документально и хранилась в деле как зеница ока.

Я ни в коем случае не хочу утверждать, что нарушений справедливости при «обложенных документами» установках не было. Правила допускали двойное толкование многих пунктов. Этим умело пользовались желающие получить личную выгоду. Наверное, все-таки не зря было заведено уголовное дело на Ковалева. Может это и неплохо — такой учет. Но я хочу отметить другую

сторону вопроса.

Люди прекрасно знали, что у связистов есть эти бумажные «истории установки». И в пору разворачивающейся Гласности, можно представить сколько находилось желающих выступить в роли обличителей и следователей, пытающихся доказать, что год или два назад, по тому или иному адресу, была допущена несправедливость с установкой телефона. И связистом приходилось возвращаться к давно сделанному, поднимать всю подноготную вопроса, вспоминать... Доказывать правомерность и оправдываться. И очень многим людям, обозленным и обманутым в очередях за другими предметами и благами, очень хотелось отыгаться хотя бы на связистах.

Я уже успел провести несколько приемов граждан по личным вопросам. Пока, получалось — удерживать их ход в рамках корректности и приличий. Но сколько нервов, выдержки и усилий требуется, чтобы выдержать эту очень наглую и нескрываемую подозрительность к себе — особенно если ты честный совестливый человек. А родители воспитали меня именно таким. Не от всех исходит, конечно, эта наглая напористость — но попадаются экземпляры... И выбивают из колеи...

Я посвятил полдня изучению стопки дел. Строго, следуя Правилам, распределил двадцать установок. Пять свободных пар в кабеле оставил в

резерве на всякий случай. Позвонил в горком Волнянскому и сообщил, что будет телефонизироваться дом по улице Гагарина 68. Он тут же, со списком, пригласил меня к себе. Просмотрел мои кружочки у фамилий кандидатов на получение телефона, и мы вошли в кабинет к Дымченко. Александр Сергеевич тоже заинтересованно и очень внимательно просмотрел весь список. Потом проставил несколько галочек против фамилий, не вошедших по моему распределению в количество очередников.

— Этим людям нужно поставить телефон по служебной необходимости — заявил он.

— Они не попадают по очереди, — пытался возразить я.

— Нужно! — отрезал секретарь и добавил, — и вообще, вы будьте внимательны. Там у вас о начальнике абонентского отдела ходят разные слухи...

Я промолчал. Высказывание в таком духе Первого секретаря горкома о начальнике абонентского отдела давало мне повод немедленно снять с работы Асию Хасановну.

Вернулись назад к Волнянскому. Анатолий Никифорович еще раз монотонным тоном напомнил, что просьбы и распоряжения ПЕРВОГО выполняются беспрекословно и попросил внести в список фамилий некто Ниязову.

— Но от неё нет даже заявления — попытался возмутиться я.

— Завтра вам заявление принесут. Волнянский твердо стоял на своем.

С этим же списком я посетил и председателя Горисполкома. Он тоже пометил фамилии нескольких человек вдобавок, к отмеченным, в Горкоме.

Список претендентов явно расширялся и уже перекрыл мой резерв. Озадаченный завершил я свое хождение со списком у Фенина.

Андрей Алексеевич пометил своим отличительным знаком фамилии людей, выполнить установку телефонов которым, ему поручил Обком и Облсполком. Я конечно, понимал нужды производства, но я не понимал, как буду объяснять простым людям из этого дома, которые непременно в ближайший же день приема посетят меня, — объяснять, что люди в списке отмеченные руководством к которым уйдут ИХ телефоны — не являются блатниками. Голова шла кругом. Я сказал об этом Фенину.

— Это теперь ваш крест, Виктор Васильевич, — криво усмехнулся он...

Вернулся в кабинет, долго перечитывал Правила, кроил и так и так — ребус заданный вышестоящими начальниками не решался. Поинтересовался у Юртабаевой кто такая Ниязова?

Она оказалась крупным торговым работником, безусловно, распределяющим многие материальные блага и, конечно же, распределение этих благ в её ведомстве не фиксировалось обилием документов, как в случае с распределением телефонов у связистов. Еще раз внимательно изучил фамилии с пометками напротив. Бросилось в глаза, что именно торговые работники пользуются особым покровительством лиц власть предержащих. И надо полагать, прессинг в пользу своего протеже, — властный, бесцеремонный с их стороны, в случае сопротивления, сможет довести до белого каления любого, даже самого стойкого и выдержанного человека.

И все-таки я принял простое, но как впоследствии убедился, очень правильное решение. Я не хотел отвечать за действия вышестоящих начальников. Чего бы мне это ни стоило. Я решил отвечать только за свои действия. Распределил телефоны, так как мне подсказывала совесть — строго по очереди, а также тем людям, право на внеочередную установку телефона которым, подтверждалось объективными документами.

Ниязова, естественно, хотя она действительно написала заявление на следующий день, в их число не вошла. Прессинг был жесточайший. Как я его выдержал, не знаю. В конце концов, Ниязова все-таки получила телефон, но только после того,

как ко мне пришло ПИСЬМЕННОЕ распоряжение Фенина прямо и недвусмысленно обязывающее меня сделать это. И все-таки, многие фамилии, против которых людьми с очень широкими властными полномочиями были проставлены едва приметные точки и запятые так и остались в списках до следующего пока еще неизвестно когда намечающегося этапа телефонизации.

С этого дня решил твердо, пока буду начальником больше ни одного списка на телефонизацию домов, ни в одну инстанцию не понесу. Все чаще стало возникать ощущение, что меня скоро попросят с этого места.

Глава 12

По понедельникам, по устоявшейся традиции, Ковалев проводил долгие планерки с участием начальников цехов и отделов. Я не стал ломать традиций, за исключением лишь того, что сделал планерки максимально краткими. Начальники докладывали очень сжато обстановку в цехах, ставили проблемные вопросы. Я скоро убедился в разношерстности их интересов, которые очень часто шли вразрез с интересами предприятия в целом. Приходить к консенсусу (всюду звучит это новое слово) с учетом разнонаправленности интересов цехов, было очень сложно. Разрешил на

планерке поднимать только те общие вопросы, которые касались всех, не затрагивая интересов какой-то отдельной службы.

Первые же планерки проходили с явным уклоном на критику работы цеха ГТС. Редко кто воздерживался от того, чтобы не лягнуть Висящева. Он вяло старался огрызаться, как затравленный волк. В результате планерка сводилась к бесполезной перепалке. Особенно выделялась в «критике» экономист Мурносова Валентина Васильевна. Явно просматривалось, что она имеет огромный вес и авторитет и доминирует в коллективе.

Наблюдая за перепалкой, я мысленно чувствовал себя в шкуре Висящева и точно знал, что будь бы я на его месте, никогда не позволил бы себе долго оставаться в положении козла отпущения. Все более и более понятными становились мотивы начальника цеха ГТС побудившие его написать заявление на увольнение. Возникшая в очередной раз перебранка была мною решительно прервана.

— Валентина Васильевна, — перебил её, — вот вы очень наседаете на Александра Дмитриевича, а может быть, более конкретно подскажите ему, что же ему делать в сложившейся в цехе ситуации. Ваши «советы» общего плана явно нежизнеспособны.

Валентина Васильевна озадачено запнулась и умолкла. Присутствовавшие на планерке начальники удивленно переглянулись.

— Давайте договоримся, — продолжил я, — что оценивать работу Александра Дмитриевича в обозримой ближайшей перспективе, будет иметь право только начальник и главный инженер...

Повисла тишина, но надо было видеть благодарные глаза Висящева...

В заключение добавил: — все вопросы, требующие моего вмешательства, впредь будут решаться только с участием конкретных лиц имеющих к ним отношение. И не обязательно дожидаться планерки. В любое время, за исключением приемных часов, кабинет для обсуждения этих локальных вопросов у меня открыт...

Глава 13

Время летело незаметно. Я мог уже достаточно детально оценить, каким же предприятием теперь руковожу.

Прав был Алексей Николаевич Семенов когда, напутствуя меня, говорил, что это большой корабль. К началу 1986 года ТТС состояла из шести крупных цехов и двух отдельных участков — транспортного и хозяйственного. Общая

численность работающих превышала четыреста человек.

Наиболее многочисленным — свыше 150-ти человек, был цех междугородной связи. В его составе находились участки автоматической междугородной связи (АМТС) и полуавтоматики; линейно-аппаратный участок; коммутаторный участок. Все они имели четко отлаженное производство, и не мудрено — ведь костяк работников в этом цехе составляли женщины. Здесь отсутствовало пьянство, преобладала высокая дисциплина, свойственная женщинам повышенная ответственность за порученное дело. Это был цех, в котором количество специалистов с профильными высшим и средне-специальным образованием было наиболее высоким.

Цех традиционно занимал высокие позиции в Социалистическом соревновании, стабильно выполнял плановые задания. Цех развивался и модернизировался. Постоянно увеличивал количество каналов на магистральных и зонавых направлениях. Выводил из эксплуатации воздушные системы передач и заменял их современными, кабельными мощными, типа К-60, К-300, с высокой пропускной способностью, по мере строительства кабельных и радиорелейных линий связи смежными предприятиями Министерства связи — ТУСМ-3, ЭТУС, ОРПТЦ.

Оборудование цеха было довольно надежным, его эксплуатация не доставляла особых проблем.

Построенная и введенная в эксплуатацию в 1976 году АМТС-1М уверенно и с неплохим качеством обеспечивала потребителей автоматическими междугородными соединениями без участия телефонисток, и последовательно перераспределяла соотношение между автоматическими, полуавтоматическими и ручными междугородными соединениями в свою пользу. Многих работников участка ЛАЗ (линейно-аппаратный зал) я знал лично. Познакомился с ними в далеком 1974 году при прохождении здесь двухмесячной учебной практики на четвертом курсе учебы. Знал работников участка АМТС и полуавтоматики — его с начала строительства и после ввода в эксплуатацию возглавляла моя жена Ромалия Станиславовна находившаяся в настоящее время в декретном отпуске.

Заочно знал и телефонисток коммутаторного участка возглавляемого Бублик Александрой Степановной. Именно они обеспечивали мне соединения по Области при работе в ЭТУС, обеспечивали очень качественно, своевременно с максимальной деловитостью. Именно этот цех принял меня наиболее доброжелательно. Но и тут головной болью сразу свалилась проблема.

Цех возглавляла Зябкина Нина Ивановна — прекрасно подготовленный специалист, очень милая обаятельная женщина. По характеру — спокойная, выдержанная. Всегда говорила ровным тихим голосом, казалось, ничто не могло выбить её из равновесия.

Но к моей полной неожиданности она, вторая после Висящева, заявила о своем уходе с должности начальника цеха. Повторяю, я знал её с 1974 года, у нас были нормальные деловые взаимоотношения во время совместной работы при расследовании и устранении повреждений на зонах линий связи. Оконечные устройства этих линий находились в ЛАЗ-е, и нам приходилось тесно сотрудничать. И я очень рассчитывал на неё.

Несколько попыток провести доверительную беседу с Зябкиной просто провалились. Нина Ивановна замкнулась в себе окончательно. Она и так была по натуре очень неразговорчивой. Игнорируя мои вопросы и доводы, упрямо поджимала губы, отмалчивалась. В глазах стояли слезы. Я только понял, что у неё был какой-то очень серьезный конфликт с Ковалевым, который, как оказалось, надолго отбил у неё охоту руководить. Нина Ивановна настояла на своем, и как предупреждала, в конце января она перевелась в Управление связи на рядовую инженерную должность.

Нужно было срочно затыкать и эту кадровую брешь на очень важном участке производственной деятельности ТТС. Работа Цеха междугородной телефонной связи проходила незаметно для городских и областных властей. За исключением разве работы телефонисток, с которыми они и, безусловно, жители города непосредственно соприкасались. Но мы — связисты, вряд ли могли бы переоценить важность работы этого цеха.

Перебирал с Александром Николаевичем специалистов. Подчеркиваю — многие из них были со специальным образованием — а вот явного лидера способного возглавить большой цех, не высвечивалось. В итоге остановились на Степанове Сергее Николаевиче. Это был специалист — самоучка. В настоящее время работал старшим инженером — обслуживал оборудование полуавтоматики. Имел золотые руки, пытливый ум, был интеллигентен, очень начитан, работал предельно аккуратно и качественно. Был очень скромн в поведении — видимо, сказывалась его инвалидность. Он очень хромал на одну ногу, которую, по глупости, сильно застудил в юности, будучи страстным рыбаком, на одной из рыбалок. Честный и совестливый человек.

В женском коллективе каждый работник-мужчина, был на особом положении, в смысле производственной деятельности. Именно

ему приходилось выполнять все работы связанные с электропитанием. Практических действий с высоким электрическим напряжением, на особо опасных высоковольтных силовых цепях женщины инстинктивно боялись. Вот и приходилось устранять наиболее сложные и запутанные повреждения, требующие особой осторожности, смелости, смекалки и твердых знаний именно мужчинам. Во всех этих вопросах Степанов был просто незаменим.

На мое предложение возглавить цех — стал категорически отказываться. Я не стал лавировать. Честно обрисовал сложившуюся ситуацию и просто попросил мне помочь хотя бы в первое время. Я ему не мог предложить никаких дополнительных благ, да о них Степанов и не заикался. Именно врожденная порядочность Сергея Николаевича сыграла свою роль, и он без долгих уговоров чисто по-деловому согласился возглавить цех. Согласился, но временно. Это меня пока устраивало.

Очень неплохо выглядел цех телеграфа. Передовой цех. Практически лишь изредка он делился в соревновании первыми местами с цехом МТС. Работники его представляли наиболее спаянный дружный коллектив. Поговаривали, что мужская составляющая цеха изрядно пьянствовала,

но с учетом того, что Петр Романович был выходцем именно из этого цеха — все это умело скрывалось.

По условиям выполнения работ цех стоял в более привилегированном положении по сравнению с другими. Обслуживая достаточно надежное телеграфное оборудование, так называемое оборудование вторичного уплотнения, он пользовался каналами, предоставляемыми ему от цеха МТС; линиями связи, предоставляемыми цехом ГТС — и в случае возникновения нештатных ситуаций имел все возможности «перевести стрелки» на своих смежников. Чем умело и пользовался.

С середины 1985 года цех начал заменять морально устаревшие телеграфные аппараты СТ-2М на современные широколенточные произведенные в Германской Демократической Республике F- 2000. Отдельные штучные экземпляры их уже имелись на сети Синегорска, — одни из первых в республике. Они составляли предмет гордости Ковалева. Работала автоматическая, на координатных соединителях, телеграфная станция, так называемая — АТ-ПС-ПД (абонентский телеграф — передача сообщений — передача данных), которая автоматически коммутировала на необходимые направления телеграфные соединения. По возвращению назад в

цех, начальником — Ковалева Петра Романовича, — я мог, с полным основанием за этот цех не беспокоиться.

Несколько в сторонке стоял цех радиофикации. Он выполнял работы по распространению и обеспечению сети проводного радиовещания на территории Областного центра, по организации озвучивания и обслуживания важных политических мероприятий с массовым скоплением людей. Сеть радиовещания на территории города была довольно развита.

Мощный радиоузел по воздушным фидерным и распределительным линиям обеспечивал надежную работу 65-ти тысяч радиоточек (в их числе были и дополнительные) в квартирах горожан.

Несмотря на мощную сеть, вследствие низкой — копеечной платы за абонентскую радиоточку, доля доходов радиоузла в общей доле доходов ТТС была мизерной. Однако радиоузел был важным инструментом в цепочке идеологической работы, которую проводила в обществе Коммунистическая партия.

Начальник цеха, чувствовалось, — хитрая и смышленная женщина Сторожилова Наталья Ивановна, в духе времени, сумела создать ореол особой, исключительной важности работы своего

подразделения. К месту и не к месту очень нескромно выпячивала заслуги радиоузла. Это неприятно бросалось в глаза.

И все же, даже на первый взгляд, у меня складывалось впечатление, что совсем скоро этот цех составит серьезную конкуренцию в борьбе за вторые и первые места в Социалистическом соревновании цехам телеграфа и МТС.

Пересекаются пути людские. Впервые я увидел и обратил внимание на тогда — еще просто Наташу, — в институте связи в Ташкенте, в начале семидесятых годов, хотя лично мы знакомы не были. Она была на курс младше меня, училась на факультете радиосвязи, была моей землячкой. Родом из Джамбула, статная, красивая и эффектная, конечно же, она привлекала к себе внимание многих парней. Потом, в институте же, вышла замуж. И вот, — надо же, спустя годы, мы встретились на одном предприятии.

Невольно заметил, что с первых дней Наталья Ивановна повела себя по отношению ко мне как-то настороженно, с опаской. Это несколько удивило, и с этим еще предстояло мне разобраться, но не сейчас же. Сейчас — некогда...

Цех АТС показался мне тихим и незаметным. Возглавлял его Нурахметов Аскар Накишевич самый молодой из начальников цехов, после

окончания института уже понабравшийся опыта и зарекомендовавший себя неплохо как технический специалист. А вот с руководящей работой не получилось. После кратковременной неудавшейся попытки поработать заместителем начальника ТТС, Нурахметов, как мне показалось, как-то поник. Был очень немногословен и старался выглядеть незаметным. На планерках забивался в угол, сидел, съезжившись, выглядел угрюмо. А может быть, это сказывалась природная застенчивость или, то, что он, также как и Степанов, видно из-за какой-то полученной в детстве травмы сильно хромал, и при ходьбе, — тянул ногу. Мне показалось, что он тоже очень тяготится должностью начальника цеха. Пока только показалось....

Незаметность цеха исходила и из-за того, что ему не доводились основные плановые показатели. Особенно рапортовать на собраниях ему было нечем. Работники цеха, в основном женщины, непосредственно занимались технической эксплуатацией АТС и занимались только «железками». Их станции располагались в пяти точках города. С абонентами работники дела не имели. Рутинная монтерская, инженерная и сменная работа.

Эксплуатационный процесс декадно-шаговых и современных координатных АТС общей монтированной емкостью 13380 номеров в целом

был налажен неплохо. Основу цеха составляли опытные высококвалифицированные специалисты Семенда Ольга Кирилловна, Гаврилюк Флера Валиевна. В ногу с ними шагали молодые Ульданова Валя, Михеева Галина....

Несколько беспокойным был в составе цеха участок справочной службы «09». Он работал в очень напряженном режиме так-как выпущенный многие годы назад, телефонный справочник абонентов города полностью устарел. Справочная служба не была оснащена достаточным количеством рабочих мест. Располагалась в угловой комнате административно-технического здания. В ней было очень холодно. Службу буквально разрывали абоненты, жаждущие справок о телефонных номерах.

Были и вспомогательные цеха.

Исправно нес свою службу малочисленный цех электропитания, возглавляемый Баженовым Валерием Анатольевичем.

Транспортным цехом руководил Олишевский по штатному расписанию числившийся механиком гаража.

Об этих двух подразделениях пока у меня не сложилось никакого представления.

С первых дней обратил на себя внимание

хозяйственный участок, если можно его было так назвать. На балансе ТТС находились мощные здания. Электрокорпус, здание АТС-7, здание радиоузла, гараж. Были и две квартиры, выделенные под технические нужды в жилых многоэтажных домах, с располагающимися в них относительно компактными выносными координатными телефонными станциями ПСК, емкостью по 1000 номеров, каждая, Чехословацкого производства. АТС — с названием в обиходе «Комсомольская» и «Орджоникидзе», по наименованию улиц, на которых они находились.

Необходимо было срочно осваивать помещение в административном здании УМР-8 буквально недавно выделенное Горисполкомом для размещения в нем АТС на 1000 номеров для бурно развивавшейся Северной промышленной зоны города, ввод в эксплуатацию первой очереди которой намечался в конце года.

И, конечно же, принадлежало ТТС построенное в пятидесятых годах старое здание бывшего Городского узла связи. Основательное, мощное, построенное для технических нужд, рассчитанное на установку в нем многочисленного тяжеловесного оборудования связи, в котором собственно помимо АТС-6, АМТС и оборудования полуавтоматики теперь размещался административный аппарат ТТС.